PG 3337
.05 Z52

1832

R. 1-2

МОЯ ЖИЗНЬ

ИЛИ

ИСПОВѢДЬ

МОСКОВСКІЯ ПРОИЗШЕСТВІЯ

АЛЕКСАНДРА ОРЛОВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

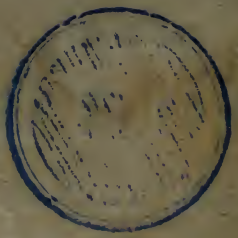
Multa tuli puer ego, sudavi et alsi.

И ДРУЖБА И ЛЮБОВЬ ПОШЛИ СЪ ДВОРА ДОЛОЙ, КОГДА УВИДѢЛИ МОЙ КОШЕЛЕКЪ ПУСТОЙ.

МОСКВА,

Въ Губернской Типографіи

1832.



PG 3337
.O5 Z52
1832
N.1-2

Печатать Позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи предста-
лены были въ Цензурный Комитетъ три
экземпляра. Москва, Марта 24-го дня
1832 года.

Цензоръ А. Цвѣтаевъ.

104837
'07

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Воспоминаніе есть подруга Воображенія. Съ горестію я теперь воспоминаю о дняхъ протекшихъ; съ горестію признаюсь нынѣ, что Воображеніе, эта подруга Воспоминанія, въ будущности, такіе мнѣ представляло иделлы благополучія и щастія, что я будущую жизнь свою заранѣе почиталъ благополучною, въ полномъ смыслѣ сего значенія; но, увидѣлъ, что крупицы трапезы Господней не падаютъ на высокомѣріе; увидѣлъ, что человѣкъ, завлеченный мечтами Воображенія, не слушая совѣтовъ здраваго разсудка, готовитъ себѣ пропасть, готовитъ себѣ фіалъ такихъ горестей, которыя отравляютъ всѣ

радости жизни. Фантазія есть дщерь слуха и разказовъ. Наслышавшись о великолѣпіи городовъ, о пышности, я фантазировалъ, что и я буду жить пышно; ибо я, по неопытности, полагалъ, что все человѣческое блаженство состоитъ въ пышности, между тѣмъ, какъ нынѣ узналъ, что истинное щастіе убѣгаетъ великолѣпія. Магометъ увѣрялъ, что онъ носитъ луну въ рукавѣ своемъ. Кто повѣритъ этому? Но Магометане вѣрятъ. Точно также вѣримъ и мы по незнанію, что у богачей въ одномъ рукавѣ сидитъ Фортуна, а въ другомъ истинное находится благополучіе. Конечно память честныхъ людей не сохранится ни въ какой Исторіи потому только, что имена ихъ не стоятъ въ спискѣ славныхъ земли; но память честныхъ людей благословенна потому, что одни они умѣли наслаждаться

на землѣ истиннымъ благополучіемъ. Я, подобно изступленному, началъ сперва гоняться за Фортуною; но, видя что она, подобно свѣтлому призраку, или блудящему огню, удаляется по мѣрѣ моего къ ней приближенія, я рѣшился не гоняться за ней во всю жизнь. Кто повѣритъ, чтобъ существовали *Вовкулаки*, втрашные оборотни, имѣющіе туловище волчье и бѣгающіе на шести рукахъ и на шести ногахъ человѣчьихъ? Вѣрить не льзя; но мнѣ кажется, что это есть Символъ жадности человѣческой; ибо человѣкъ для своихъ ничтожныхъ видовъ дѣлается сущимъ оборотнемъ, бѣгающимъ по свѣту за щастіемъ, такъ сказать, и на рукахъ и на ногахъ, дабы насытить свое ненасытимое волчье Чрево. Кто повѣритъ существованію Вѣдьмы; Упыря, чародѣя значущаго тоже, что Вѣдьма въ жен-

скомъ родѣ? Но, признаюсь, есть Вѣдьмы и Упыри въ человѣческихъ тѣлахъ. Вступивъ въ свѣтъ, я мечталъ о существахъ совершеннѣйшихъ; я думалъ находить Ангеловъ; но, увы! надлежало иногда сказать: что земля уже не Юдоль плачевная, но — Обиталище злыхъ духовъ. Я началъ вѣрить, что Теоретическіе Моралисты не знаютъ души человѣческой; ибо они находили причину золъ человѣческихъ не тамъ, гдѣ надлежитъ. Я увѣрился, что по книгамъ не узнаешь свѣта, не узнаешь людей, не узнаешь сердца человѣческаго, не узнаешь причины заблужденій, причины нещастій человѣческихъ. Отъ чего это происходитъ? Спрашивалъ я самъ себя, что честные люди безъ помощи, угнетены желѣзною рукою судьбы тогда, когда безчестные осыпаны всѣми мірскими благами? Въ стѣнахъ

монастырскихъ я былъ ничто иное, какъ сынъ природы, не знающій житейскихъ отношеній; но, вступя въ общество, долженъ былъ я узнавать ихъ. Я хотѣлъ говорить правду въ глаза, не хотѣлъ щадить самолюбія человѣческаго; но, меня назвали глупцомъ. Я хотѣлъ притворяться, но не умѣлъ; хотѣлъ льстить, но я краснѣлъ; а отъ того называли: льстецъ; я хотѣлъ подражать модному тону, но выходило все не такъ, потому что нѣтъ врожденной склонности ни къ волокитству, ни къ жеманству; а потому и рѣшился слѣдовать своей склонности: быть тѣмъ, чѣмъ надлежитъ быть, чѣмъ должно быть всякому человѣку, т. е. стараться быть честнымъ человѣкомъ. Ежели я смѣюсь надъ людскими пороками, то я смѣюсь надъ самимъ собою; но осмѣи-

ваю, не зная ни какой личности. Я не имѣю пера тѣхъ зоиловъ, которые ведутъ журналъ человѣческихъ пороковъ и оскорбляютъ личность. Будучи руководствуемы честолюбіемъ, самолюбіемъ, видами корысти, стараются выказывать дурныя качества людей, дабы скрыть свои собственныя. Понося лично другъ друга, выискиваютъ термины ругательствъ, клеветъ, злобныхъ насмѣшекъ; а спросишь бы ихъ: кто имъ далъ право оскорблять личность? Ежели мы упрекаемъ злословіе въ женщинахъ, которыя злословятъ однимъ языкомъ въ тѣсномъ кругу своихъ пріятельницъ столько же злорѣчивыхъ, какъ и онѣ, столько же достойныхъ презрѣнія, какъ и сами; какими же глазами должны мы смотрѣть на тѣхъ людей зоиловъ, которые передъ цѣ-

лымъ свѣтомъ письменно злословятъ другихъ? Подъ именемъ разбора книгъ, они нападаютъ не на одну словесность, не на одни книги; нѣтъ! Они выставляютъ на сцену не книгу, а Автора книги, со всѣми его пороками. Какова же черта собственной ихъ нравственности? Говоря, что книга дурна, говорятъ еще, что сочинитель ея волокита, глупецъ, мотъ; вотъ, тутъ его видѣли, тутъ замѣтили; и таковыми подобными замѣчаніями украшаютъ свои подневные труды, пріучая свою душу къ злобѣ, мщенію, къ злословію и невѣжественнымъ выраженіямъ. Выдавши въ свѣтъ нѣсколько маленькихъ сочиненьицъ, я узналъ все злословіе. Не доставало только того, что не знали основательно моего происхожденія, не знали дѣдовъ моихъ и прадѣдовъ, чтобъ пощевелить въ могилахъ кости ихъ;

а посему я и рѣшился открыть мое происхожденіе, дабы, не довольствуясь словами и письмомъ, нарисовали меня съ кадиломъ въ рукахъ и треугольной шляпѣ. Я рѣшился открыть мои пороки, дабы, имянемъ всей Литтературы, Зоплы вознесли гласъ свой. Я въ началѣ сей первой части прилагаю реэстръ обращающимся въ свѣтъ моимъ сочиненіямъ. Публика увидитъ, что я обращалъ въ смѣхъ пороки человѣческіе; я говорилъ вообще, ничуть не касаясь личности. Пусть пересмѣхаютъ меня, пусть выдумываютъ колкости самыя ѣдкія; чтобъ не замѣшаться въ толпу людей, любящихъ злословіе, я поспѣшусь отвѣчать на всѣ ихъ вопли. Я не увлекаюсь различными мнѣніями, а имѣю одно правило: относить всѣ свои сочиненія къ нравственной цѣли. Я въ семъ жизнеописаніи ясно пока-

зываю, что, вступивши въ свѣтъ, много я испортилъ свою нравственную природу. Молодость, кипящія страсти, дурные примѣры далеко увлекли меня отъ пути истиннаго. Богъ знаетъ, я ли дуренъ, или люди; до сихъ поръ не нашелъ я себѣ искренняго друга, разумѣя слово другъ въ полномъ значеніи сего слова. Само собою разумѣется, что я нащитаю сотни четыре друзей; да какихъ? *До чернаго дня*! Видѣлъ я человѣческую неблагодарность, видѣлъ измѣну, проливалъ горькія слезы, и не находилъ утѣшенія. Ежели сказать правду, то я самъ причиною многихъ своихъ нещастій. Duisque suae fortunae Fabev, всякъ своему щастію кузнецъ, это очень вѣрно; а это-то я и забылъ! Я слѣдовалъ первымъ впечатлѣніямъ, слѣдовалъ порывамъ страстей, и, всегда отбивался отъ

настоящей цѣли; а потому, выставляя свои собственныя въ жизни ошибки, желаю напомнить юношамъ: Telix, duem faciunt aliena pericula caotum. Щастливъ, кого дѣлаютъ чужія опасности осторожнымъ. Бывши самъ неосторожень, потерявши чрезъ неосторожность многое, доходивши до самой крайности, я не желаю, чтобъ другіе были неосторожны. Я видѣлъ свѣтъ въ разныхъ измѣненіяхъ, видѣлъ коловратность и суету мірскаго, часто восклицалъ: vanitas vanitatum, суета суетствъ! Но еще не могу сказать:

Spes et foruna valete;
Sat me luaistis ludite nune alios.

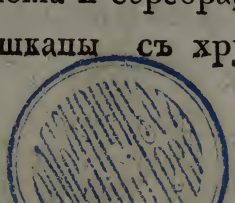
Надежда, щастіе, прощайте;
Играли долго мной, другими поиграйте, потому что non invcni portum, не нашелъ убѣжища, не нашелъ пріюта, гдѣ бъ покойно провести

остатокъ дней моихъ. Благосклонные читатели! Я предлагаю жизнеописаніе свое такъ, какъ должно, не утаивая, не прикрашивая. Само собою разумѣется, что въ вводныхъ матеріяхъ, не касающихся прямо до меня, я дозволилъ себѣ небольшія прибавки. Въ заключеніе скажу, что будучи самъ не очень щастливъ, какъ то видно изъ исторіи моей жизни, желаю всѣмъ всякаго добра.

МОЯ ЖИЗНЬ

Моя родословная только до дѣдушки; а какъ звали прадѣдушку, и кто онъ былъ, не знаю. Вотъ, какого я знатнаго произхожденія!

Родословная моя простирается только до дѣдушекъ. Вотъ, какъ знамениты были мои прадѣды, что потомки ихъ не оставили не только чѣмъ бы ихъ помянуть, но даже не дали объ себѣ и о своихъ дѣяніяхъ никакихъ извѣстій! Добрымъ людямъ оставляются, отчины, сёлы и деревни, каменные и деревянные домы, съ садами, съ прудами; оставляются сундуки золота и серебра, серебряные сервизы, шкапы съ хрусталями и



фарфорами, экипажи, волчьи и мѣдвежьи шубы; а мои предки не оставили мнѣ и нагольнаго тулупа! Вотъ, ужъ и вспомнишь пословицу: Разживайся уголькомъ, да глинкой. У добрыхъ людей родословныя простираются за сотни лѣтъ; и древо живота предковъ ихъ теряется въ облакахъ. Иванъ родилъ Василья, Василій родилъ Трифона, Сидора, Карпа, Устинью, Фетинью, Аксинью; а тутъ ужъ отъ этихъ Сидоровъ и Карповъ, Устиньевъ и Фетиньевъ приплодіе идетъ такъ, что появятся на древѣ родословія цѣлыя Святцы. Я же, грѣшной человѣкъ, знаю, что отецъ мой Анфимъ, дѣдушка Сергѣй; а какъ у дѣдушки Сергѣя звали отца, и кто онъ былъ, ей Богу, до сихъ поръ не знаю! Фамиліи родитель мой Анфимъ Сергѣевичъ никакой не носилъ; ибо пятнадцать лѣтъ звали его Яфимка;

а съ пятнадцати лѣтъ, когда онъ выучился читать и сдѣлался пономаремъ Ѳимомъ. Трудно теперь угадать, выучился ли бы мой родитель писать, ежели бы помѣщикъ того села не приставилъ его къ выборному, Ивану Ивановичу, записомъ приходовъ и разходовъ? Родитель мой отъ Семинаріи, въ которую, по тогдашнему времяни, отдать дѣтей то же значило, какъ будто на поселеніе, родитель мой отбылъ чудеснымъ образомъ: имянно, когда изъ Переяслава-Залѣзскаго пріѣхали нарочные въ Округу, чтобъ церковническихъ дѣтей брать въ Семинарію, родитель мой, по внушенію своихъ родителей, которыхъ именъ я не знаю, ушелъ въ лѣсъ; а отъ посланныхъ мои дѣды отдѣлались двумя холстами и кринкою коровьяго масла. Покрайней мѣрѣ

я такъ слышалъ отъ покойницы моей матери.

Вотъ, ужъ какъ сдѣлался родитель мой при Иванѣ Иванычѣ письмоводителемъ; то уже и сталъ прилагать тщаніе о умѣніи писать; а потому у своего Священника, по израженію моего родителя, сталъ навастриваться! Но, такъ какъ и священникъ писалъ какими-то крючками; то онъ во время лѣта, когда пріѣзжалъ помѣщикъ изъ Москвы въ деревню, у Финагѣича, господскаго человѣка, Московскаго грамотѣя, обучился писать такъ, что рука его сдѣлалась чотка и для — Барина! Съ сего времяни крестьяне начали его звать: Сергѣичь, выборной Ефимомъ, а Баринъ все еще звалъ: Понамарь Яфимка; и назвалъ его въ первой разъ Ефимомъ тогда, когда уже онъ женился.

Когда родитель мой понавострился до того, что выборной, не умѣя ни писать, ни читать, не имѣлъ болѣе нужды для написанія писемъ къ Господину въ Москву изъ деревни, искать писцовъ, а усмотрѣлъ, что когда Яѳимъ написалъ письмо, Баринъ написалъ; что онъ прочелъ письмо; то слава моего отца до того простерлась, что крестьяне чувствовавшіе что письма, писанныя имъ, читаетъ Баринъ, начали уже передъ нимъ скидать и шапки. Когда пойдетъ славить Христа; то въ мѣшокъ его овесъ валили не ковшичками, а рѣшетами. Наконецъ слава его прогремѣла и въ другихъ селеніяхъ такъ, что уже объ Яѳимѣ начали поговаривать верстъ и подъ-двадцать. Почтенные Священно-церковно служители, во время храмовыхъ праздниковъ, сидя за ендовушками, начали объ Яѳимѣ по-

говаривать не на шутку; особенно, когда родитель мой вырядился въ синій суконный кафтанъ, сшитый ему Выборнымъ; но, когда вытвердилъ онъ Октоихъ и всѣ Ермосы; когда на всѣ гласы умѣлъ поднять какую нибудь стихиру; то изъ окружныхъ селъ и стали къ нему засылать съ росписями о приданомъ за дочерьми своими не только пономари и дьячки, но и самые Діаконы и Священники.

Дѣдушка мой Николай Ильичь, отецъ моей матери Прасковьи Николавны, Священникъ экономическаго богатаго прихода, имѣлъ пять дочерей. Николай Ильичь былъ человѣкъ съ большими свѣденіями; ибо въ Семинаріи кончилъ курсъ. Природныя его дарованія были весьма обширны. Рѣшительно можно сказать, что во всей Округѣ не было его ни ученѣе, ни умнѣе. До конца своей жизни

занимался онъ науками; а особенно углублялся въ таинства натуры. Онъ искалъ для дочерей своихъ жениховъ добродѣтельныхъ.

Душно мнѣ жить въ городѣ; не вижу я лѣсовъ и луговъ.

Читатель видитъ, что я не намѣренъ ничего скрывать; что худо, называть худымъ, что хорошо, именовать хорошимъ. Я радуюсь, что имѣю такого добродѣтельнаго отца. Богу не угодно наградить меня богатствомъ, которое я презираю, но предоставилъ мнѣ щастіе сказать, что я происшелъ на свѣтъ отъ честнѣйшаго человѣка. Кроткой характеръ, непомѣрное любіе, честность и доброе поведеніе, суть отличитель-

ныя черты души его. Къ нещастію мы дѣти, въ томъ числѣ и я, не всѣ наслѣдовали добрыя качества души его. Я некорыстолюбивъ какъ и онъ; но не имѣю его кротости, какую онъ. Я непамятозлобенъ; но при вспыльчивости дѣлаюсь сварливъ. Родитель мой съ самаго младенчества до гулянокъ совсѣмъ не охотникъ, а пированья даже гнушается; а я, вѣроятно, потому, что еще вѣтерокъ подуваетъ въ головушкѣ; или, ужъ по избалованности, этимъ гулянкамъ и пирушкамъ, предаюсь иногда безъ мѣры. Братья мои таковы, что иной скупъ до того, что имѣя въ сундукѣ пукъ ассигнацій, боится во щи положить масла ложку; а иной любитъ отъ чужой полоски припахать къ себѣ хоть полбороздки. Даже мать моя не имѣла его качествъ; ибо посудить и порядить о чужихъ дѣлахъ,

была охотница; отецъ безкорыстенъ; а родительница выискивала всѣ случаи, чтобъ стяжать болѣе и болѣе, хотя бъ это клонилась и къ невыгодѣ ближняго. Дѣлалось иногда сварливою и своенравною, какъ и я. Въ иное время рада, такъ сказать, душу свою отдать, только чтобы помочь нещастному; а въ другое время копѣйки не выпроснишь; а отецъ мой всегда одинаковъ; самъ надѣваетъ старые сапоги, а новые отдаетъ нуждающемуся. De mortuis aut bene vanil nlf, сказано; но что дѣлать! того требуетъ безпристрастіе; родительница моя хотя и на томъ свѣтѣ, но дѣлать нечего; долженъ я говорить правду.

Дѣдушка мой съ перваго разу полюбилъ Анфима Сергѣевича и отдалъ свою старшую дочь Прасковью Николаевну, отъ коего брака я первой и произошелъ на свѣтъ.

Такъ какъ мои родители были бѣдны, а каждой годъ Господь даровалъ имъ дѣтей; то я воспитывался у своего дѣдушки. Онъ принялся обучать меня грамотѣ на осьмомъ году; а до сего времяни зимою по вечерамъ, заставлялъ меня разбирать разныя картинки, только не такія, какія предлагаются нынѣ въ *подаркахъ на новые годы*, гдѣ Васиньки и Мишиньки съ сестричьками Аннушками бѣгаютъ за бабочьками; нѣтъ! онъ раскрывалъ Елисаветинскую Библію, и я, ворочая листы, тщательно разсматривалъ въ ней изображенія. Что это за человѣчьки сидятъ подъ рябиной? Спрашивалъ я, глядя на картинку, изображающую Адама съ Еввою. Дѣдушка, имѣя пылкое воображеніе, описывалъ мнѣ сотвореніе міра въ самыхъ величественныхъ выраженіяхъ. Толкуя мнѣ картинки, водилъ

меня воображеніемъ по всѣмъ странамъ свѣта. Вѣсною и лѣтомъ ходилъ я съ нимъ по рощамъ и лѣсамъ, по лугамъ и полямъ, носилъ за нимъ пуки травъ, которыхъ онъ зналъ свойство. Я привыкъ такъ къ картинамъ природы, что одна только необходимость заставляетъ меня нынѣ жить въ городѣ. Но, я и теперь переношусь воображеніемъ къ смѣющимся долинамъ, зеленѣющимъ рощамъ и лѣсамъ; и теперь, кажется слышу журчаніе ручейковъ. Въ страшныхъ явленіяхъ природы, научилъ онъ меня видѣть силу и могущество Создателя. Признаюсь, я, и до сихъ поръ, люблю глядѣть на выходящую изъ за горъ и лѣсовъ чорную громовую тучу. люблю и теперь видѣть молнію и слышать раскаты громовъ. Когда съ свѣтозарнаго Юга приходила къ намъ Благодатная весна; имѣя пылкое

воображеніе, онъ увлекался прелестями разцвѣтающей природы; а, потому приучилъ и меня фантазировать такъ, что, когда я началъ учиться Поезіи, я, прочитавши Мифологію, началъ видѣть въ каждой рощицѣ Нимфъ и Дріадъ, у каждаго ручейка Наядъ, въ темныхъ лѣсахъ Сатировъ и Фавновъ.

Признаться, къ возвышенію силъ моего воображенія споспѣшествовалъ мнѣ не одинъ, дѣдушка Николай Ильичь, отъ природѣ съ большимъ бывшій воображеніемъ; служило самое мѣстоположеніе. Село Махра, нынѣ Александровскаго Уѣзда, въ которомъ я и родился и воспитывался, лежитъ на высокой горѣ. Къ Югу лежатъ двѣ ужасныя горы, покрытыя лѣсомъ, между коими простирается узкая съ рѣчькою долина; къ Сѣверу, чистое поле, а за полемъ пространный лугъ, посрединѣ коего течетъ рѣка Дубно.

До сихъ поръ нелюблю я этой стороны; ибо мнѣ всегда было въ ней скучно. Тамъ, не поражаются взоры величественными лѣсами и крутыми утесами горъ; но, до сихъ поръ, я плѣняюсь Южною стороной; ибо въ ней находится всё то, что можетъ питать воображеніе. Душно мнѣ нынѣ жить въ городѣ! я не вижу лѣсовъ и луговъ; одна полоска земли составили бы всё мое щастіе. Удѣлъ поселянина мирнаго я щитаю болѣе значущимъ, нежели всѣ мірскія почести. Подъ большими черемухами и высокими рябинами, я и до сихъ поръ воображаю какія-то невидимыя существа. На пятнадцатомъ году, началъ я учиться Поэзіи въ Семинаріи; и, слѣдственно, при развитіи способностей, усилилось мое воображеніе до того, что я въ свои перелѣски, переносилъ всю Аркадію всю Эллаау, всѣхъ

Боговъ, всѣхъ Нимфъ. Каждая деревенская дѣвушка казалось мнѣ Нимфою; я мѣчталъ и увлекся далеко воображеніемъ; а это усиленное воображеніе имѣло слѣдствіемъ то, что я теперь не въ духовномъ состояніи.

И такъ дѣдушка до осьми лѣтъ не начиналъ учить меня грамотѣ; а, старался только показать мнѣ натуру; но, онъ мнѣ показывалъ прелесть лѣсовъ и рощъ; а бабушка, Авдотья Ильинишна, меня вводила въ подземельныя царства. Она мнѣ разсказывала о пещерахъ, о провалахъ, о вѣдьмахъ, о водяникахъ, о лѣсовикахъ, о дворовикахъ; а, потому я, прочитавши Мифологію, Пигмѣевъ и Томовъ, Сатировъ и Фавновъ подводилъ подъ одну систему.

Грамота мнѣ была не трудна; потому что, дѣдушка мой буквы мнѣ изъяснилъ за ранѣе такъ, что я того

и непримѣтилъ. Взошедши на гору, онъ показывалъ мнѣ то рощи, то лѣса, то овраги и говорилъ: это походитъ на мыслетѣ, это на онъ, это точно буки стоятъ; и, самъ чертилъ эти литтеры на землѣ. Указывая на качель, говорилъ, что это: Покой азбучной; полагая руки крестъ на крестъ, говорилъ, что это походитъ на херъ и тому подобное. Сказать короче, что я читать выучился въ недѣлю. Письмо также было мнѣ не трудно.

Матушка, дочь дворничихи Никоновны подхватываетъ блинки со сковородки; а я только лишъ облизываюся.

Выучившись читать и писать у достопочтеннаго дѣдушки, я его лишился къ великой моей горести; а мѣсто его заступилъ прямо изъ пономарей родитель мой, которой не слы-

хавши никогда объ наукахъ изтребилъ всѣ бумаги покойнаго дѣда моего.

Родитель мой дѣлалъ вотъ что: когда поѣдетъ въ Сергіевской посадъ на ярмонку; то обыкновенно половину саней и тѣлеги укладывалъ кипами дѣдовскихъ бумагъ и отвозилъ ихъ въ лавочки для завёртокъ. Сколько погибло тутъ прекрасныхъ твореній! сколько погибло открытій натуральныхъ! сколько изчезло трудовъ, достойныхъ уваженія! Ничто такъ меня нынѣ не трогаетъ, какъ эта невозвратимая потеря, произшедшая отъ неразуменія отца моего. Я помню, что я за дѣдомъ въ лѣса носилъ косырь, горшечки; я помню, что онъ вырывалъ коренія, рвалъ травы; варилъ ихъ; я помню, что онъ что-то записывалъ; и, всё это изчезло! такъ изчезаютъ высокія открытія людей,

въ тишинѣ сельской жизни занимающихся науками!

Въ доказательство высокихъ понятій и дарованій моего дѣда, я послѣ объявлю публикѣ нѣчто изъ его твореній, которыя, я по нечаянности нашелъ подъ крынками, покойницей моей матерью поставленными въ чуланѣ?

Я росъ да и подросъ; а потому родитель мой и задумалъ отвѣсти меня въ Семинарію. Невидавши никогда школъ, не зная просвѣщенія, онъ просто привезъ меня въ Семинарію и оставилъ на постояломъ дворѣ съ пятнадцатію копѣйками; только покойница матушка, выѣзжая съ постоялаго двора, кланялася дворничихѣ и говорила: не оставь, матушка Никоновна, Алексаньку нашего! а Никоновна такъ меня неоставляла, что и забыла, живу ли у ней, или нѣтъ.

Видя, что Никоновна, не Прасковья Николавна, дворничиха, не матушка родимая, я къ Никоновнѣ не подбѣгалъ за соченьками и блинками; хотя и видѣлъ, что Никоновна снимала ихъ съ горячинькой сковородки. Я лежалъ на полаткахъ, свеся оттуда свою головушку, глядѣлъ, облизываясь на дочьку Никоновнину матушку, которая подхватывала со сковородки блинки; и, сѣвши за столикъ помазывала ихъ масляцомъ. Прасковья Николавна мнѣ, бывало перьвой блиночикъ, какъ любимому дѣтёнышку; а тутъ и послѣдняго не давали. Однако я подружился съ Машуткой, которая, и безъ вѣдома матушки, меня кормила и блинками и соченьками; а, особливо, когда я былъ уже въ пятнадцать лѣтъ. Машуткѣ было, правда, уже лѣтъ семнадцать; Машутка даже начала мнѣ и картузцы по-

купать. Я ужъ и самъ не знаю, за что мнѣ такія были милости отъ Машутки.

Въ Семинарію отдали меня въ одиннадцать лѣтъ; признаюсь, что я въ низшихъ классахъ очень былъ тупъ. Привыкши болѣе дѣйствовать воображеніемъ и приучившись съ дѣдушкой разсуждать, я немогъ выпверживать уроки, которыхъ я не понималъ. Память моя была чрезвычайно тупа; притомъ же латинскіе уроки затрудняли всѣ мои способности. Однако никакъ недолжно похулить Схоластическую дисциплину. Она мнѣ развернула и память, которая, соединясь съ силою воображенія, сдѣлала меня хорошимъ ученикомъ въ высшихъ классахъ.

Семинарія походила на самое благоустроенное Общество. Ежели бы вездѣ было такое же строгое ис-

полненіе своихъ обязанностей; то бы убавилось много безпорядочныхъ произшествій. Семинарія раздѣлена была на семь классовъ; и было заведено, чтобъ низшей всегда уважалъ высшаго: Студенты пользовались такимъ правомъ, что передъ каждымъ надлѣжало скидавать шляпу. Но, увидя учителя, изъ котораго бы класса ни было, каждой долженствовалъ остановиться точно также, какъ солдатъ передъ Офицеромъ. Студенты были ничто иное, какъ въ Римѣ Пашреціи, Учители Сенаторы, Ректоръ и Префектъ Консулы. Сіи Чиноначальники точно были какъ особы Консулярныя. Важность ихъ была столько велика, что одно ихъ изрѣченіе почиталось закономъ. Признаюсь, привыкши почитать сихъ особъ въ Семинаріи, я нынѣ чувствую благотворное вліяніе Семинарской жизни; ибо нынѣ всякое

Правительство внушеніе почитаю святымъ изрѣченіемъ. Повинуясь въ Семинаріи безпрекословно тамошнему начальству, я нынѣ отрочески повинуюсь велѣніямъ благодатныхъ нашихъ законовъ.

Въ праздничные и Воскресные дни должны были явиться всѣ въ храмъ Божій къ заутренѣ, къ обѣднѣ и къ вечернѣ. Лѣтомъ отъ вечерень освобождались; ибо давали намъ работу: чистить дорошки въ садахъ, подбирать въ рощѣ, называемой корбука, опадшіе сучья деревъ; но, не взирая на то, школьныя уроки должны были быть исполнены. Симъ образомъ благоразумное учрежденіе начальства устраняло насъ отъ праздности, которая, какъ извѣстно, есть матерь пороковъ. Слѣдствіе сей дѣятельной жизни чувствую я доселѣ; ибо не могу ни минуты быть безъ

дѣла. Праздность и разсѣянность мнѣ такъ тяжка, что я мучусь, ежели гдѣ, по необходимости, долженъ быть я праздным.

Два были Сеніора, которые ничто иное были, какъ въ Римѣ Цензоры, наблюдающіе за повѣденіемъ. Ихъ власть простиралась на порядокъ; они были Экзекуторы; у нихъ были ликторы, носители пучковъ изъ лозъ; и горе тому, кто не исполнялъ своихъ обязанностей!

Мѣсяцъ Маій назначенъ для празднованія весны. Эти празднества напоминали Греческія и Римскія празднества въ честь благотворной природы.

Забавнѣе всего для насъ было время сѣнокоса. Каждой семинаристъ каждой день стоплъ въ десять разъ дороже, нежели наёмщикъ, между какъ каждой наёмщикъ могъ сдѣлать

въ десять разъ болѣе, нежели каждой семинаристъ. Мы ломали грабли, пилы, ѣли; за то благословляла вся окрестность наше начальство; ибо, въ три дня нашего сѣнокоса, у обывателей, сбыту своихъ произведеній было болѣе, нежели въ три мѣсяца. На три дня для насъ, должны были готовить три деревни цѣлой годъ!

Изъ прекрасныхъ заведеній Семинарскихъ были диспуты, три раза въ годъ отправляемыя. Онѣ развивали таланты; и, молодые студенты старались превзойти другъ друга въ словопрѣніяхъ.

Огромные Студенческіе пучки мотаются по плечамъ.

Смотря на огромные Студенческіе пучки, чорными обвитые лентами, и я началъ ростить себѣ пучокъ. Когда намачивалъ я голову квасомъ; любезной мой товарищь Афонюшка дѣлалъ мнѣ пучокъ; но, я жалѣлъ, что у меня были коротки волосы; ибо пучокъ служилъ украшеніемъ схоластика. Пять разъ въ году отпускались мы въ домы родительскіе; меня отдали въ Семинарію недѣль за 7-мь до Рождества Христова; а къ сему времяни, я уже и былъ съ пучкомъ! Поѣхавши изъ дому безъ пучька, а

пріѣхавши съ пучькомъ, я уже начиналъ гордиться. Отъ сверстниковъ моихъ деревенскихъ ребятъ, началъ я себя отличать по пучьку, точно также, какъ бы по ордену. Получившіе орденъ чувствуютъ такое же удовольствіе, какое чувствовалъ я слыша, что у меня на затылкѣ мотается пучокъ. Принявши титулы Семинариста, я почиталъ себя уже не простымъ какимъ либо мальчикомъ. Нѣтъ! у меня блеснули другія идеи. Прежде поступленія моего въ Семинарію, ходилъ я въ нагольномъ тулупцѣ; но когда родитель мой сшилъ мнѣ тулупъ, покрылъ его затрапезой; то я, смотря на красныя пелесы затрапезныя, началъ помышлять, что у меня въ головѣ много прибавилось; ибо, думалъ я, могу уже различить Латинскія буквы отъ Русскихъ. Вотъ; какъ мѣняются идеи при само-

малѣйшей перемѣнѣ! Пучокъ и, затрапезой покрытый тулупъ, сдѣлали то, что я уже не хотѣлъ играть въ бабки съ деревенскими ребятами; а, полагалъ, что это для меня очень низко. Принявшись за разсужденіе, изъ самой бездѣлицы можно видѣть неоспоримую истинну, что Honores mutant mores; перемѣняютъ чести нравы. Въ головѣ моей знаній не прибавилось; а, уже гордость начала проявляться. Восходящіе на верхъ честей это очень знаютъ.

Но, пучокъ и затрапезной халатъ, мнѣ скоро опостылѣли и вотъ были какія тому причины: въ Семинаріи появились тулупы на заячьемъ мѣху, крытые китайкою и нанкою. Сія новизна появилась изъ Москвы на Москвичахъ, семинаристахъ рожденныхъ въ Москвѣ. Москвичи были для не Москвичей то же, что теперь

Парижанѣ для Россіянъ. Сей модѣ послѣдовали уже и деревенскіе семинаристы, которыхъ родители были въ состояніи нарядить дѣтей своихъ въ подобныя же тулупы. Я приступилъ къ своимъ родителямъ; и, увѣрялъ ихъ, что это было знакомъ отличія хорошихъ учениковъ. Оно такъ есть и теперь, что платье въ свѣтѣ уважается; но, въ семинаріи дѣло пошло на оборотъ; въ нагольныхъ и затрапезныхъ тулупахъ сидѣли на первыхъ мѣстахъ, а въ тулупахъ на заячьемъ мѣху, почти всегда на послѣднихъ. Учениковъ въ китайчетыхъ халатахъ наказывали, на задачахъ ихъ было: Male pessime, nedvigsime; а на учениковъ въ затрапезныхъ сыпались похвалы учительскія; и на задачахъ ихъ видно было: bene, optime, elegantissime. Въ каталогѣ надъ именами, въ китайчетыхъ халатахъ

стояло: Лѣнивъ; а, надъ имѣнами въ затрапезныхъ халатахъ, стояло: Прилѣженъ. Въ китайчетыхъ халатахъ ученики сидѣли года по четыре въ одномъ классѣ; а, ученикамъ, въ халатахъ затрапезныхъ, была ежегодная промоція.

Теперь посмотримъ на общественную жизнь. Съ высокими людьми талантами, но безъ знатности, безъ богатства, увы! остаются на послѣднихъ мѣстахъ, остаются въ презрѣніи; и обращаются въ ничтожество, между тѣмъ щастливыя чада слѣпой фортуны, хоть и безъ талантовъ сидятъ на первыхъ мѣстахъ въ почестяхъ, въ уваженіи.

Пучокъ же сталъ мнѣ не сносенъ, вотъ, почему: Во время лѣтней ваканціи былъ я въ гостяхъ у своей тетки, жившей въ селѣ, въ которомъ жилъ помѣщикъ. Сей Господинъ, ка-

жется, изъ этаго села во всю свою жизнь не отлучался никуда. Имѣя винокуренный заводъ, возился вѣчно около кубовъ и барды; но, былъ богатѣе тѣхъ, которые возятся цѣлой вѣкъ то съ длинными саблями и шпагами, то въ приказахъ за судейскими бумагами, въ службѣ должны не наживать, а проживать. Онъ отдавалъ свою дочь за помѣщика; такъ какъ я не видывалъ никакого великолѣпія; то освѣщеніе Господскаго дома, довольно порядочнаго, музыка, поразили меня. Видя разгуливающихся дворянъ, съѣхавшихся къ бракосочетанію, безъ пучковъ, во фракахъ съ свѣтлыми пуговицами, въ лощеныхъ сапогахъ, я возненавидѣлъ свой пучокъ; желалъ даже отрѣзать его; но это было невозможно. Однако, сколько прежде старалсяростить волосы для пучька, столько напротивъ послѣ старался,

чтобъ пучокъ мой былъ какъ можно менше. Я старался завести лощеныя сапоги; но, не зналъ секрету ваксы; не зналъ и того, что бараньи мои сапоги подъ ваксу негодятся. Но фраковъ, жилетокъ, манишекъ, мною виденныхъ, имѣть я никакъ не могъ; ибо во всей Семинаріи никто подобныхъ не носилъ. На самыхъ модникахъ, какъ мы называли Москвичей, проявлялись одни только суконные сертуки, да, и то безъ свѣтлыхъ пуговицъ. Впрочемъ, идея: имѣть означенной нарядъ, имѣла большое вліяніе на всю жизнь мою. Она усилилась во мнѣ; и, я началъ мѣчтать о благородствѣ, о ношеніи мундира и шпаги, слѣдственно объ оставленіи духовнаго состоянія.

Вотъ, теперь видно, что самыя ничтожныя вещи могутъ перемѣнить вдругъ ходъ человѣческихъ надеждъ,

желаній и помышленій; самыя маловажные случаи ведутъ иногда на верхъ щастія, а, иногда погружаютъ въ бездну золъ.

Прежде сего случая, меня плѣняла ряса мечты мои были о томъ: какъ я опредѣлюсь въ село въ церковники; какъ будутъ засылать ко мнѣ свахъ яко къ студенту, кончившему курсъ; какъ я во время праздниковъ, при бесѣдахъ, буду говорить о Божествѣ и своимъ знаніемъ помрачать самыхъ даже благочинныхъ; какъ буду выказывать свою ученость силлагизмами; я мечталъ, съ какимъ жаромъ въ Троицынъ день буду возражать противъ отца Елисея, споровъ зачинщика; съ какою похвалой вездѣ будутъ отзываться во всѣхъ приходахъ самые даже крестьяне особенно, когда они будутъ судить и рядить, гдѣ какіе священники; какъ будутъ толковать

о грамотеяхъ; но послѣ сего случая я сталъ уже мѣчтать, какъ я, надѣвши мундиръ, привѣсивши шпагу, пойду въ нашу сельскую церьковь; какимъ образомъ я стану въ такомъ мѣстѣ, гдѣбъ я могъ быть видимъ отъ всѣхъ крестьянъ и крестьянокъ; какимъ образомъ сельская Дуняшка и, деревенская съ горы, Степашка будутъ на меня поглядывать; я мѣчталъ, какимъ образомъ я буду садиться на дрожки; но, увы! я и до сихъ поръ хожу пѣшкомъ. Въ радостныхъ мѣчтахъ забывался я до того, что уже подбирался и къ деревенькѣ! вотъ, какова глупость человѣческая! Я такія строилъ воздушные замки, въ которыхъ чуть ли не бывали и всѣ мои читатели; да и не дурно!

Но, какъ бы то нибыло, сіи мечты возымѣли силу; я сталъ совер-

шенно пренебрегать духовнымъ состояніемъ.

Однако, при всѣхъ мѣчтахъ я не забывалъ, что, готовясь быть въ кругу свѣтскомъ, надобно имѣть достаточныя свѣденія. Я зналъ, что дворянство Греческимъ и Еврейскимъ языками, незанимается; а, потому я, имѣвши прежде намерѣніе учиться онымъ языкамъ, такъ какѣ нужнымъ для духовенства, предпринялъ обучатся Французскому и Нѣмецкому; и началъ оказывать успѣхи, впрочемъ самые еще посредственные и обыкновеніе.

Была, и до сихъ поръ здравствуетъ моя родимая тетушка, у которой были въ Семинаріи детки только поступили они въ Семинарію тогда, когда я уже былъ въ Риторикѣ. По классамъ въ языкахъ былъ я слабъ: но по классу Риторики я не уступалъ первымъ ученикамъ. Особенно,

отличался въ экспромтахъ. Неуспѣетъ учитель задать, я уже вставалъ и началъ говорить; правило у меня было какое: Экспромтъ не на бумагѣ, хоть ври, да, скорѣе говори; поправитъ учитель! И, въ самомъ дѣлѣ, я этимъ самымъ правиломъ нравился учителямъ; между тѣмъ тетушки моей дѣтки были до того глупы и обижены дарованіями, что ихъ готовили къ выключкѣ. Передъ промаціею тетушка моя услыша, что дѣтокъ готовятъ къ выключкѣ, разгласила, что не ее дѣтей изъ низшихъ классовъ, но меня изъ высшаго Риторики хотятъ выключить. Достопочтенный родитель мой, не видавши никогда въ глаза не только учителей, но ниже тѣхъ стѣнъ школы, въ которыхъ я при входѣ учителя читалъ: Царю Небесный Утѣшителю, а при окончаніи класса:

Отче нашъ; въ которыхъ я при посѣщеніи классовъ Ректора или Префекта запѣвалъ: Salutamus; а при выходѣ ихъ: gratias agimus, родитель мой крайнѣ былъ огорченъ и разтревоженъ. Сему слуху онъ вѣрилъ болѣе потому, что она тѣтка, опасаясь выключки дѣтей, каждую недѣлю бывала съ моимъ дядею не только у учителей, но даже у Префекта и самаго Ректора. Смущался и я; но судя по учительскому обо мнѣ отзыву, дивился я такому нещастію.

Пришло время промоціи; я затрепеталъ при видѣ входящаго Ректора; мнѣ переводу было быть не льзя; поелику я въ Риторикѣ еще былъ одинъ годъ; а чрезъ одинъ годъ изъ Риторики никто не могъ быть переведенъ въ Философію. Ректоръ началъ читать списокъ удостоившихся быть переведенными. Тотъ

promoveris, другой promoveris; и такъ всѣхъ перещиталъ; наконецъ: тотъ excluderis, другой excluderis, и кончилъ; и, я по выводѣ старшихъ учениковъ будучи прежде, на 42 мѣстѣ, очутился на 7-мъ. Прошла грозная туча, думалъ я; но она же прошла и для двоюродныхъ моихъ братьевъ по докучливымъ просьбамъ моей тётки. Тётка моя опять разглашать начала, что я въ слѣдующій годъ буду исключенъ; но, уже всѣ увидѣли, что тётка грѣшитъ душою.

Сіи тетушкины разглашенія мнѣ обратились въ крайнюю пользу; и, съ тѣхъ поръ началъ я вѣрить, что всѣ нещастія, всѣ клеветы служатъ намъ въ пользу, ежели только онѣ произходятъ не отъ насъ самихъ, а отъ злости человѣческой. Нещастія, произходящія отъ насъ, суть необходимыя слѣдствія нашихъ пороковъ;

а нещастія, людьми нами устроемыя, по благости вѣчной любви Божеской, покрывающей невинность, обращаются въ наше благополучіе. Съ тѣхъ поръ такъ я прилѣпился къ наукамъ, что просиживалъ цѣлыя ночи. Имянно на Воскресные и праздничные дни просиживалъ я до заутрень; потомъ, сходивши къ заутренѣ, ложился я спать. Но, я не хватился вдругъ за Нѣмецкой и Французской языки, которые щитались у насъ побочными. Главные классы состояли въ Риторическихъ упражненіяхъ и въ Латинскомъ языкѣ; сперва я принялся за Нѣмецкой. Но, какъ у меня не было ни Лексикона, ни книгъ Нѣмецкихъ, то я деньги, получаемыя мною отъ родителя на лакомство, отдавалъ одному Москвичу, сыну богатаго отца, которой имѣлъ всѣ книги. Сей Москвичь ходилъ также въ Нѣмецкой

классъ; но заняться симъ языкомъ и не помышлялъ. Однако опасаясь, чтобъ онъ по какимъ-либо капризамъ не лишилъ меня своей милости, взявши книги, надъ ними просиживалъ цѣлыя ночи; слѣдствіемъ сего было то, что я могъ порядочно переводить. Упражняясь такимъ образомъ, я еще старашился зависти моихъ товарищей; а, потому и не хотѣлъ преждевремянно открывать самому учителю моихъ успѣховъ. Но поелику задаваемыя задачи дѣлалъ я исправно; то Москвичь всегда садился со мною рядомъ и списывалъ у меня мои версіи и задачи; и слово въ слово какъ у меня, такъ было и у него. Учитель радовался, что есть у него успѣшные ученики; правда, онъ видѣлъ мое преимущество, но молчалъ; а Москвичь радовался, что и его почитаютъ за успѣшнаго; а почему книги его были уже не его а мои.

Нѣтъ! у меня будетъ жена съ гребеночкой на головушкѣ, въ завиточкахъ, на шейкѣ были бы сюрпризцы съ разными вычурами и купидончиками; вотъ какъ!

Пришло время другой промоціи; я долженъ былъ остаться въ Риторикѣ еще годъ; ибо изъ Риторики промоція всегда была чрезъ два года. Кто располагалъ Семинарскимъ порядкомъ; тотъ умѣлъ великой умъ, тотъ постигъ, что классъ Риторики есть какъ будто черта нравственныхъ силъ; тотъ человѣкъ постигъ, что ученику Риторики, дабы перейти въ классъ Философскихъ наукъ, должно наблюсть время. Проница-

тельные умы! Великіе люди! Нынѣ вѣрно Преосвященствующіе Митрополиты, Архіепископы и Епископы! Вы отчуждались людской славы; но, я человѣкъ мірской и гордиться буду, что я имѣлъ благополучіе въ жизни быть вашимъ ученикомъ, лобызать ваши святительскія нынѣ десницы. Благоименитые Іерархи! горжусь нынѣ тѣмъ, что лобызаю прахъ ногъ вашихъ и съ умиленіемъ сердца зрю сѣдовласыя главы ваши. Благознаменитые мои наставники! Профессоры! Однихъ погубила смерть; но ихъ гробъ для меня священъ; но на тѣхъ, которыхъ пощадило время, я на тѣхъ взираю съ умиленіемъ сердца. Да не будетъ тебѣ чуждъ гласъ безпритворной моей любви, тебѣ благознаменитѣйшій Профессоръ, единый оставшійся для моей радости; да будетъ твое имя священно для

всѣхъ, кто тебя щастіе имѣетъ видѣть, а особенно тебя слышать. Ты остался одинъ; ты не умрешь для тѣхъ, которые умѣютъ видѣть въ тебѣ душу великаго человѣка. Не осмѣливаюсь я выставить твоего имяни: ибо почтется сіе за лесть.

Такъ, я остался въ Риторикѣ; остались и дѣти моей тетки въ низшемъ классѣ. Тетка моя провозгласила, что я оставленъ въ Семинаріи, имянно по ея просьбѣ. Сіи разглашенія побудили меня къ новымъ усиліямъ. Я принялся за Французской языкъ; нашелъ другаго Москвича, у котораго были Французскія книги. Я началь поступать съ нимъ также, какъ и съ первымъ. Учитель зналъ мои успѣхи; но, я дабы не возбудить зависти, просилъ его, чтобъ онъ не открывалъ въ классѣ моихъ успѣховъ. Ежели судить по сра-

ведливости; то я тутъ много погрѣшилъ. Я зналъ что ежели я окажу успѣхи; то у меня былъ личной соперникъ; а я зналъ, что надобенъ будетъ Семинаріи учитель низшаго класса на Французскомъ языкѣ. Я понималъ, что перешедши, Философію могу занять мѣсто Информатора на Французскомъ языкѣ. Даже честолюбіемъ, вотъ, до чего простерлось, что я задумалъ я на Немѣцкимъ классѣ сдѣлаться информаторамъ. Оно такъ послѣ и сдѣлалось. Но въ классѣ Риторическомъ, я ежели не перегонялъ другихъ; покрайней мѣрѣ не отставалъ отъ самыхъ лучшихъ учениковъ, что засвидѣтельствуютъ самые тѣ у которыхъ я имѣлъ щастіе обучаться, и тѣ, съ которыми я учился.

Пришло время промоціи. Alexander Orlov! Promoveris, сказалъ Ректоръ; забилось сердце мое отъ радости; я перешелъ въ Философской классъ; вознесъ тѣплую молитву Господу Богу.

Вѣдаю тебя, милосердый Владыко! упавши на колѣни передъ Успенскимъ Соборомъ, возопилъ я. Съ западной стороны на семъ Соборѣ золотыми буквами начертаны слова: *Вѣдомому Богу*. У язычниковъ на храмахъ была подпись *не Вѣдомому Богу*. Христіанство Его познало; ибо познало тѣ истины, которыхъ не знаетъ язычество.

Троицкая Сергіева Лавра достойна уваженія по всѣмъ отношеніямъ. Тамъ обитали Келарн Авраамія Палицына; тамъ доблестные Герои Христіанства взывали ко всѣмъ чадамъ Царства Русскаго, взывали и нынѣ взываютъ къ сердцамъ, къ душамъ вѣрныхъ сыновъ отечества! *Постоять за Вѣру Православную*! *Постоять за Царство Русское*! *Постоять за Царей Православныхъ*! При одномъ видѣ огромныхъ мона-

стырскихъ стѣнъ возбуждается въ душахъ чувство пріятнѣйшее. Я побѣжалъ въ Троицкой Соборъ, въ которомъ почиваютъ мощи правѣдника, основателя сей благословенной обители, которой видѣлъ зарю Россійскаго величія, которой благословлялъ *Димитрія Донскаго* на пораженіе жестокихъ варваровъ. Я поклонился угоднику Божію; но, возвращаясь съ молитвы, увидѣлъ мою тетку. Excludantur! произнесли уста Ректора объ ея дѣтяхъ.

Сіе обстоятельство я выставляю только для того, чтобъ показать разительной примѣръ Божескаго наказанія за недоброжелательство. Я желаю всякому добра. Признаюсь, во многихъ случаяхъ, я отступалъ отъ правилъ доброжелательства; и, ясно видѣлъ, что Богъ меня наказывалъ.

Я проходилъ классъ Философіи съ похвалою; классъ Богословіи также. Богъ дастъ, кончишь курсъ, говорила мнѣ покойница матушка, будешь Священникомъ; а у отца Алексѣя Выпуковскаго или у Дьякона Подлиповскаго и дочьки есть; вотъ и женихъ. Родительница моя рада была вдругъ на меня и скуфью возложить; но, у меня было на умѣ не то; шпага и мундиръ съ ума не сходили; я не желалъ видѣть на себѣ рясу, не желалъ имѣть жену въ кокошникѣ. Нѣтъ! думалъ я; у меня жена будетъ съ гребеночкой на головушкѣ, въ завиточкахъ, не въ бахилахъ, а въ башмачкахъ, не въ сарафанѣ, какъ моя родимая матушка, Прасковья Николаевна; нѣтъ! въ платьицѣ; а ручки что бы были въ перчаточкахъ, на шейкѣ были бы не бусы а янтори; нѣтъ, были бы

браслетки, сюрпризцы съ сердечками, съ разными купидончиками, съ вычурами; платочикъ бы былъ алпинькой. Вотъ я какую имѣть желалъ супругу!

Недалеко отъ монастыря былъ Господской домъ, въ которомъ была горничная Варинька. Она для меня шила манишечки; да и утвердила меня такъ въ намѣреніи оставить духовное званіе, что я съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія моего курса. Богъ знаетъ, живши въ монастырѣ, надобно бы полюбить монастырскую жизнь; но со мной сдѣлалось противное. Что ты будешь дѣлать! Я уважаю чиноначаліе монашествующихъ; но страсти, которыя надлежатъ подавать при вступленіи въ монашество. Вотъ, онѣ-то намъ и не велятъ любить уединенныя кельи. Сквозь земельные адскіе духи такъ и шепчутъ каждому человѣку,

чтобъ мы ростили себѣ чрева, а боялись бы постныхъ лицъ духовенства.

Но, какъ бы то ни было! только я, кончивши курсъ, взялъ Аттестатъ. Смотри, мой другъ, не ошибись, говорилъ мнѣ Ректоръ; и въ свѣтѣ будь поосторожнѣе; но цѣну словъ сихъ узнаю я только теперь, когда сдѣлался неосторожнымъ. Ежели бы я понялъ, что мнѣ тогда говорилъ достопочтеннѣйшій Ректоръ; то бы, какъ я полагаю, не жилъ бы до сихъ поръ въ наемной квартиркѣ; а былъ бы у меня и собственной домикъ, хоть не на Тверской, или Никитской улицахъ, а, покрайнѣй мѣрѣ хоть бы близъ которой нибудь заставы.

Ну! грамотѣевъ въ сторону, а на безграмотнаго и должность возложили, что нибудь да это значитъ.

Я долженъ теперь немного поворотиться съ повѣствованіемъ на-

задъ и упомянуть объ нѣкоторыхъ, по моему мнѣнію, важныхъ обстоятельствахъ, довольно нравоучительныхъ. Я извѣстилъ уже читателя, что мой родитель небольшой грамотѣй. Онъ до сихъ поръ не знаетъ: существуютъ ли какія нибудь свѣтскія книги? Онъ знаетъ, что есть школа подъ названіемъ: Синтаксисъ, Поезія, Риторика, Философія, Богословія; но что такое онѣ? Родитель мой до сихъ поръ не знаетъ.

Судя по этому, кажется, не льзя было бы и ожидать, чтобъ онъ могъ обратить на себя вниманіе; но сдѣлалось противное, и вотъ что случилось: Преосвященнѣйшій нашей Епархіи уволилъ отъ должности Благочиннаго. Ученые Священники ожидали, что сіе почетное мѣсто долженъ занять одинъ которой нибудь изъ нихъ; но вызовъ сдѣлался

таковъ, что въ числѣ кандидатовъ очутился родитель мой. Сего мѣста не только искали; этого сказать мало; его добивались. Преосвященнѣйшій поговорилъ съ учеными кандидатами; потомъ обратился къ моему отцу, разумѣется, не съ Философскими и Богословскими вопросами. Преосвященнѣйшій видѣлъ, что съ нимъ умствовать нѣчего. Я на тебя возлагаю званіе Благочиннаго, сказалъ Преосвященнѣйшій. Отецъ мой повалился въ ноги къ Его Преосвященству. Преосвященнѣйшій Владыко! возклицнулъ родитель мой; человѣкъ я не ученой; прошу Вашей Архипастырской милости уволить меня отъ сего бремени, и возложить его на рамена тѣхъ, которые окончили курсъ въ Семинаріяхъ. Что я, можно сказать, безграмотный буду дѣлать съ просвѣщенными? Ваше Преосвящен-

ство изволитъ видѣть, что я, кромѣ должности Священничества, ничего не знаю. Ты знаешъ всё то, что мнѣ хочется, сказалъ Архипастырь; самыя важнѣйшія знанія, мною уважаемыя, суть: смиреніе, кротость, терпѣніе, трудолюбіе, честность, справедливость, безъусловное повиновеніе къ Начальству, знаніе внушать каждому любить Владыку Всемогущаго всѣмъ сердцемъ и душою, умирать за Отечество и за Царя своего Православнаго и за Святую вѣру; еще трезвенная и беззазорная жизнь а посему, безъ отрѣкательства исполняй, что я на тебя возлагаю. Диссертаціи я слыхалъ, а Софизмы презираю; и, яко пастырь церкви знаю, въ чемъ состоитъ прямое просвѣщеніе; ступай и повинуйся. Сказавши сіе, Архіерей Господень благословилъ отца моего и

оставилъ въ изумленіи присутствующихъ.

Выставляю я сіе обстоятельство не для того, чтобъ выставить добродѣтели отца моего; нѣтъ! я выставляю сіе для того, чтобъ показать, какое дѣйствіе произвело повышеніе въ почтенномъ моемъ родителѣ. Ну, Прасковья, сказалъ онъ моей матери пріѣхавши изъ города: какъ-то будетъ нести Благочинническую должность.

Пиши Архіерею, отвѣчала моя мать, что какъ было, что гдѣ водится, не прибавляя, не убавляя.

Только родитель мой не прибавлялъ, а убавлялъ; ибо совсѣмъ почти къ Архіерею бумагъ не писалъ, ссоры мирилъ, дружелюбно всё оканчивалъ. Однако честолюбіе посѣлилось и въ его сердцѣ; родитель мой задумалъ сочи-

нять проповѣди. Когда я уже взялъ аттестатъ; то, при приближеніи праздника, передъ которымъ я простился съ любезною Семинаріею, увидѣлъ родителя моего въ горницѣ сидящаго за Евангеліемъ и Синодскими проповѣдями; онъ обмакивалъ перо въ чернилицу; а передъ нимъ лежало листиковъ десять исписанной бумаги. Что это дѣлаетъ родитель мой? думалъ я; а родитель мой, вижу, въ проповѣдники пробирается. Что это, батюшка, дѣлаешь? спросилъ я. Да, ужъ я доберусь! отвѣчалъ родитель мой; вотъ, какую проповѣдку сочиню, что весь міръ ахнетъ. Ну, думалъ я, что-то будетъ! какихъ-то троповъ и фигуръ наставитъ батюшка въ проповѣди; чай, такія Гиперболы, Метафоры Метониміи, Синекдохи и даже Ироніи выставитъ, что и Цицеромъ развѣ чѣмъ немногимъ будетъ

повыше. Федюнька! закричалъ онъ моему меньшому брату, которой только что былъ переведенъ въ Риторику; ну ка ты часто ладишъ о Метафорѣ, будетъ ли тутъ Метафора? Сказавши сіе, показалъ онъ ему три листа кругомъ исписанные. Братъ, не знавши, что отвѣчать, молчалъ; а! сказалъ родитель; и Риторъ сталъ въ тупикъ; тутъ будетъ и цѣлой переводъ, называя симъ именемъ часто слышанное имъ слово: переводъ. Читаютъ теперь провѣды нѣкоего отца Василія, говоренную имъ въ Духовъ день. Проповѣдь моего родителя чрезвычайно была похожа на проповѣдь Отца Василія, хотя говорена и не въ Духовъ день, а въ храмовой праздникъ и вотъ она была какая:

И какъ! православные христіане, такъ; вы проспли себѣ у Господа Бога урожая хлѣбу; на гумнахъ и

стоги появились; у сельскихъ крестьянъ, бывало, стоятъ одни копеночки; а нынѣ стогъ возлѣ стога; вы просили себѣ, чтобъ скота Богъ послалъ неболѣе. Глядите же: изъ деревни Афонасова, бывало, не выдетъ на поле и сорока скотининъ; а нынѣ, какъ идетъ стадо, такъ пыль столбомъ; однихъ коровъ десятковъ до пяти. Вы просили, чтобъ поменьше было пьяницъ; а въ деревнѣ Богородской, даромъ что большая, и кабакъ запретили. Ступай же теперь Никишка Шанинъ въ деревню Ченцово за шесть верстъ; нѣтъ! жена бѣгается. Вы просили, чтобъ у васъ завелись люди ремесленные; ну, Василій Бычковъ завелъ шляпную фабрику; вотъ и не-ходя въ Москву, можно достать себѣ копѣйку, а Богородсковскіе мужики давно ужъ кукольники. Но, оле прегрѣшенія! оле беззаконія! благо что

Ченцово стоитъ на большой дорогѣ; такъ, и давай обижать дорожныхъ! Нѣтъ! Иванъ Трубинъ на это хорошъ! за обѣдъ не положитъ полтины, а за четвертакъ овса трехъ гривенниковъ а перекрестясь говоритъ; клади, братъ, по двадцати копѣекъ за обѣдъ, да за четверикъ овса семь гривенъ; за то Богъ и подастъ! Такъ, православные христіане, чего вы просите съ усердіемъ: то Богъ и дастъ: а ужъ безъ усердія, ничего Богъ не дастъ; да окаянной сплетъ. Трилика Дмитровской бобыль просилъ, чтобъ у ребятъ Морозовыхъ перевелись лошади, передохла бы вся скотина; сгорѣлъ бы овинъ съ рожью; но нѣтъ! на зло молящаго Богъ не услышитъ; а помолись на добро; тогда и увидитъ, что всё пойдетъ хорошо.

Нынѣ у насъ храмовой праздникъ Рождество Пресвятыя Богородицы

За чѣмъ вы пришли въ храмъ Господень; за тѣмъ, Православные христіяне, 1-е чтобъ поблагодарить Владыку Всевышняго за великія его милости къ намъ грѣшнымъ; 2-е просить у него Отца Небеснаго, чтобъ онъ помогалъ намъ во всемъ; а-поможетъ онъ только въ томъ ежели мы будемъ просить добраго.

Когда вы ждёте къ себѣ Капитана Исправника; но я уже не говорю Капитана, когда ждёте вы къ себѣ въ гости Волостнаго Голову; но, не говорю уже Голову; когда ждёте вы къ себѣ подголовье, т. е. Старшину; то до ихъ прибытія не только не упивайтесь виномъ, но ниже отъ трапезы вкушайте; и, когда увидимо ихъ грядущихъ; то благочинно съ хозяйкою изходите на срѣтеніе съ хлѣбомъ солью: а, когда провожаете; то со смиреніемъ и кротостію

предлагайте имъ даромъ для кого же всё это, дѣлается для такихъ же людей, какъ и мы! онъ нынѣ Голова, а ты завтрѣ. Къ чему же это я всё сказалъ? къ тому, что я съ образами святыми пойду по всему Приходу. Это гости не земные, а небесные, какъ же до принятія ихъ къ себѣ въ домъ можно упиваться, какъ я часто замѣчалъ? нѣтъ; надобно пробыть даже безъ пищи, хотя бы по множеству дворовъ, которые должны я всѣ обойти промедлилъ за полдень часовъ и пять. Да къ чему же я всё это говорю? къ тому, Православные Христіяне, что вы дѣлаете всё возможное для Капитана Исправника, для Головы, для старшины, только изъ того, чтобъ Исправникъ въ рабочую пору не выгонялъ васъ мостить Мосты и починивать дороги верстъ за двадцать, Голова, чтобъ не ударилъ

лишній разъ палкою за неповоротливость; вотъ, вѣдь изъ чего какъ же не сдѣлать всего возможнаго для святыхъ Иконъ? нѣтъ! Православные христіанѣ, нѣтъ, какъ хотите; ежели я замѣчу пьянаго хозяина, или съ небреженіемъ пріемлющаго въ свой домъ лики Господни; то въ другой разъ обойду; а тогда, какъ будутъ смотрѣть добрые люди? а, тогда будетъ ли на томъ домѣ благословеніе Божіе? Нѣтъ! сказано домъ беззаконныхъ раззорится, опустѣетъ, а когда спорыньи не будетъ ни въ чемъ, вотъ ужъ и бобыль! тогда бери суму, да и ступай прямо по міру. Будите же благочестивы, православные; христіяне; а не будите; то сами увидите, что всё пойдетъ плохо, кто былъ богатъ; тотъ будетъ бѣденъ. Богати обнищаша и взалкаша а добрые люди не лишатся всякаго блага. Аминь.

Услышавши сію проповѣдь моего родителя, я морщился. По правиламъ ли Риторики сдѣлана она? говорилъ я самъ съ собою; что тутъ взять! хоть бы тебѣ одинъ тропикъ былъ! ахъ! Боже мой! ну, такъ ли это водится? нѣтъ! Метафора бы шла за метафорой, Синекдоха за синекдохой; да подобрался бы подъ фигуры: заимословія, вопрошенія, а буде такъ и къ той ужъ фигурѣ, которою Цицеронь украсилъ рѣчь свою на Катилину: Nunc te, Patria; video, вижу тебя во снѣ, отечество, вижу, тебя, село Махра, бесѣдующимъ! ато, нѣтъ хоть бы какую поставилъ гиперболку.

Однако послѣдствіе доказало, что правило для проповѣдниковъ написано не даромъ: ut sit sermo conveniens tempori et auditoribus. Кто здѣсь были слушатели? безграмотные, простосердечные крестьяне, для коихъ тропы

и фигуры ничего не значатъ; какое же было время? празничное, въ которое убѣдителемъ одинъ языкъ сердца, а не красотъ Риторическихъ. Крестьяне истинно исполнили то, что было говорено въ увѣщаніи.

Нѣтъ! и поповская дочька, облизня ручки, пойдетъ за меня; вѣдь я кончалой студендъ; а изъ нашей родни никто и до синтаксиса не доходилъ. —

Послѣ обѣдни, родитель мой суетился объ окончаніи молебновъ; а родительница объ обѣдѣ. Ежели кто не видывалъ сельскихъ праздниковъ въ кругу духовныхъ; то я не излитнимъ щитаю дать хотя одно понятіе.

Бесѣда началась тихо.; но мало по малу дѣлалась живою слова изъ устъ катились быстрѣе; вдрухъ дядюшка мой, дьячокъ, по прозванію комолой, надулъ щоки и возопилъ: Гос-

поди, услыши гласъ мой. Всемирную славу, отъ человѣкъ прозябшую; тутъ подхватили всѣ приходящіе; но когда дѣло дошло до: дерзайте убо, дерзайте людіе Божіи; то Алексѣй Петровичь подхватилъ эндову, да и выпилъ ее до половины. Но, какъ была эндова не одна; то и дерзали всѣ. Ну ка теперь на гласы? подхватилъ дьячекъ Василій Котеловъ. Распѣваніе на гласахъ прошло по всѣмъ Ирмосамъ, Тропарямъ и Стихирамъ. Но когда началось о Божествѣ; то признаюсь едвали бы самые Ректоры и Префекты устояли отъ нападеній возражающихъ.

Когда пѣвцы кончили свои стихѣры, тропари и ермосы и разговоръ начался всеобщій; родительница моя велегласно начала предъ собраніемъ слѣдующаго содержанія рѣчь: Любезнѣйшіе наши родственники, и вы всѣ

дорогіе наши гости, друзья и прія. тели! видите вы перьворожденнаго нашего сына Александра, которой прошолъ всѣ школы семинарскія. Такъ! на утѣшеніе своей старости хотѣли было мы его еще изъ Синтаксимы вынять, да и женить на внучкѣ Подлиповскаго дьякона, котораго Богъ благословилъ всѣмъ бытомъ крестьянскимъ.; домъ, какъ кольчико садъ съ яблонями, да ульевъ десятка съ полтора; да, въ туже подлину и опредѣлить его дьячкомъ. Такъ! по тогдашнему времяни оно бы было и очень не дурно; потому что наша Махра на одной, а Подлипа на другой горѣ; слѣдовательно то бы сынокъ съ женою къ намъ; то бы мы къ нимъ; все ужъ бы раза четыре я побывала къ нимъ; но это не полюбилось ни батюшкѣ, ни сынку. Какъ! говорилъ мой Яфимъ Сергѣичъ, а на сплу вы-

учился читать и писать по Русски, а ужъ, какъ были пономорями, да дьячками мои дѣды и прадѣды, это одному извѣстно Всевышнему Создателю. Что же будетъ толку, что въ родѣ нашемъ не будетъ ни одного по крайнѣй мѣрѣ такого, объ которомъ бы люди сказали хоть то: онъ дошелъ до Риторики! нѣтъ: Прасковья, нѣтъ! хотя Дьяконъ Подлиповской и говоритъ, что спотыкается на соломинку; и, что онъ скоро умретъ и оставитъ все внучкѣ, домъ, садъ съ ульями, да крестовиковъ сотню, которые теперь зарыты на дворѣ подъ вереёю, хотя Марья Федоровна, мать невѣсты, баба и добрая и разсторопная, съ которой ты и нерозстанешся, особенно, когда во время Троицына дня, въ Подлипѣ хромоваго праздника, за ведётъ она тебя, яко любимую

сватью въ чуланъ для вящшаго угощенія; хотя дочь ея Евдокія и покрасивѣй всѣхъ четырёхъ дочерей отца Алексѣя; но, нѣтъ, что Богъ ни дастъ; доведу парня хоть до Ректора; а въ ознаменованіе сего, вмѣсто нагольнаго тулупа будетъ онъ носить отнынѣ, тулупъ; покрытый затрапезой; лѣтомъ же, вмѣсто затрапезнаго халата, будетъ носить халатъ китайчатой. Когда же дойдётъ до Риторики; то хоть въ долгъ и поколоты, возму въ Сергіевскомъ посадѣ у Толстухина суконца ужъ рубликовъ эдакъ въ семь и сошью сертукъ; сшитъ отдамъ барскому человѣку въ Шеметовѣ Прокофью; потому что онъ шьётъ на всю дворню куртки и сертуки; да, вѣдь изъ такова сукна, что и иголка та въ него не лезетъ; а какъ попадется ему въ руки суконцо рубликовъ въ

семь; то уже не суровыми нитками будетъ стегать онъ, но подкрашеными. По сей причинѣ нашъ Александръ и дошолъ до Риторики; и тутъ я было просила его ужь въ дьяконы; да оно и сталось бы; и дѣвку мы смотрѣли, ужь и самому отцу понравилось всё; да, мнѣ то нѣтъ: судите, вы добрые люди сами; какъ на смотрѣ, какъ мать женихову, хоть бы той же дьяконицѣ, матерѣ невѣстиной, какъ мать женихову не завѣсть бы въ чуланъ и тамъ помѣрекать? такъ нѣтъ! догадки нѣтъ. Согрѣшила я тогда ужъ и сама грѣшная: разхаяла дѣвку! а, потому нашъ сынокъ и пошолъ далѣе. Вотъ, теперь, други любезные; кончилъ онъ и курсъ; да ужъ и не одинъ языкъ знаетъ; всё мнѣ любо; да не любо, что онъ переводитъ Нѣметчину на Русской языкъ,

да сталъ говорить на томъ же языкѣ, на какомъ говоритъ бусурманъ Наполеонъ со своими дьяволами, которые лошадей въ церквахъ становили у насъ въ Москвѣ.

Во время сей рѣчи родитель мой съ видомъ самодовольствія улыбался. Наконецъ изъ шкапа вынулъ мой аттестатъ и прочолъ его во услышаніе всѣмъ. Признаться во всей нашей роднѣ не было примѣра, чтобъ кто нибудь когда либо не только кончилъ курсъ, но чтобы проникъ въ таинства всего Синтаксиса, кромѣ покойнаго дѣдушки Николая Ильича, о коемъ я сказалъ выше: а потому всѣ не только дивились, но даже ужасались слыша восписуемыя мнѣ въ аттестатѣ похвалы.

Прасковья Николаевна! возвысилъ голосъ одинъ изъ родственниковъ старикъ Окуша, многоглаголи-

вый, яко Аввакумъ, Прасковья Николаевна! Ежели бы вывели его изъ Синтаксимы; то бы онъ былъ только дьячокъ; ежели бы изъ Риторики; то дьяконъ; а теперь Студенту кончалому, какъ не быть попомъ какая теперь будетъ дура невѣста, дочь поповская, которая, облизня ручьки, не ухватится за сынка вашего? Я тебѣ сей часъ же нащитаю невѣстъ тридцать; любую бери! у отца Ивана, у отца Алексѣя цѣлыхъ четыре, въ Богородской Лапинѣ у дьякона, въ нашемъ Шеметовѣ, да вездѣ, куда ни обернись! дѣтьми церковническими мужеска пола наполнены всѣ фары бурсы, Синтаксимы. Риторики и Богословіи; не уже ли ты думаешь, что не наберётся столько же и дѣвокъ? Нѣтъ! Прасковья Николаевна нѣтъ! вашъ родъ женской въ этихъ семинаріяхъ не помѣстишь; коли помѣщать такъ раз-

вѣ утроить эти семинаріи. Смотри, дочькамъ церковническимъ ужь не куда и дѣваться! да, и куда? развѣ въ омутъ головою? во всякомъ селѣ пять, да десять! Не опъ добра дѣло дѣлается, что радѣханьки, чтобъ и мужикъ ужъ взялъ. Ну, да не далёко сказать! сестра твоя Наталья вышла же за мужика Никишина сына Григорья. Невѣстъ хоть лопатой греби въ нашемъ сословіи; не только за студента, да и за бурсака только кликни; въ недѣлю росписей пятьдесятъ прішлютъ; ужъ не только невѣстъ не оберешся; росписьми цѣлую избу обклѣишь и внутри и снаружи, ежели вы захотите женить своего сына студента.

Окута умолкъ; а любезная родительница, у которой появилось множество идей о празднованіи свадьбы, о поклонахъ ей со стороны род-

ни невѣстиной, любезная родительница краснорѣчивому винѣ налила огромный стаканъ зелена вина, которой выпивши весь до дна, Ораторъ опрокинулъ верхъ дномъ, въ знакъ своего удовольствія; и сдѣлавшись красноглаголивѣе, началъ говорить:

Прасковья Николаевна! При старости лѣтъ мы съ тобою на свадьбѣ попраздничаемъ; о время! время! было время что и насъ женили; и насъ вводили въ опочивальню; и для насъ колотили объ уголъ цѣлую ночь горшки и кувшины; было время, что и на нашихъ свадьбахъ гости ползали, какъ раки, любезнѣйшій родственникъ! началъ онъ говорить мнѣ, давайка, другъ сердешной, мы тебя женимъ.

Достопочтеннѣйшій родственникъ! отвѣчалъ я, безъ мѣста люди не женятся. Жена не коза, какъ я отъ тебя часто слыхивалъ; надобно

ее содержать; а, чѣмъ прикажешъ содержать ее, не имѣя мѣста? Дѣдушка! я слышалъ, вотъ, что: Ежели мужъ не будетъ въ состояніи содержать жены; то она сыщетъ и другова; а мнѣ этаго то и нехочется. Гляжу я на нашихъ деревенскихъ бабъ, да и вижу, что ежели у мужа не станетъ на торгу денегъ купить женѣ котовъ съ чулками; то она рада послать мужа къ чорту и уйти къ какому нибуть Гришкѣ, которой въ состояніи исполнить ея прихоти. Нѣтъ! дѣдушка Окуша! мнѣ окушаться въ дурачество съ молодыхъ лѣтъ не хочется; а я, слѣдую Латинской пословицѣ: guidcuid aqis, pradenter aqas et respice finem, пойду спервa во Владиміръ; да прищу себѣ мѣсто; а, тогда пришодши домой, и скажу: ну, дѣдушка Окуша! сватай невѣсту; но такъ, ежели предётся мнѣ имѣть

мѣсто въ селѣ ни изъ Переяславля, ни изъ Ярославля, ни изъ Александрова ни изъ Владиміра, словомъ, ни изъ какаго города, не сватай; бѣлоручка въ деревнѣ не годится; да, признаться, и въ самомъ городѣ въ ней мало проку; а сватай мнѣ посерѣе, т: е: хотя бы она была самаго бѣднѣйшаго дьячка.

Деревенской парень, почесывая брюхо, говоритъ: Это нашъ міроѣдъ, волостной голова, разгулялся на мірскія деньги.

Такъ какъ городскихъ гостей тогда не было; то рѣчь моя всѣми Священно-церковно-служителями принята съ восклицаніемъ, а паче ихъ сожительницами, которыя всѣ были деревенскія урожденки, и у всякой была на умѣ для меня невѣста; но я думалъ не о невѣстѣ, не о духовномъ званіи, думалъ не о рясахъ и подряс-

никахъ, думалъ о шпагѣ и мундирѣ. Я не хотѣлъ прямо объявить сего намѣренія; поелику это бы значило встревожить всю компанію.

Наконецъ прошолъ праздникъ, гости разъѣхались; а я собрался въ путь, дабы изходатайствовать себѣ увольненіе изъ духовнаго сословія.

Родитель мой на дорогу отдалъ мнѣ все что имѣлъ, разумѣется, не сотни, а къ десятку рублей не много немножко не подвигалось. Шутка ли дѣло! говорилъ я самъ съ собою, глядѣлъ на серебреной рубль, на пятиалтыннички и гривенники; и пощупывая свой карманъ, въ которой повалилъ я пятаки и гроши, щотамъ до рубля, шутка ли дѣло! говорилъ я, куда мнѣ ихъ? но, я незналъ, что впереди у меня стояла дорога до Губернскаго города во 180 верстахъ хлопоты и прожиданіе мѣсяцовъ десять.

Правда, до перьвой станціи изъ отческаго дома я былъ довезенъ и покинутъ. Видя много проѣзжихъ постояльцевъ, я началъ искать, нѣтъ ли до Губернскаго города попутчика; но сталъ также примѣчать, нѣтъ ли такова, которой бы, ежели не задаромъ, покрайнѣй мѣрѣ за дешевую цѣну, доставилъ меня къ мѣсту назначенному. Я замѣтилъ одного, котораго, по по вѣлительному тону и по рѣшительности, можно было почесть за высокомѣрнаго Господина. На немъ былъ сукойной синей армякъ и красная крестьянская рубашка. Хозяинъ постоялаго двора смотрѣлъ на него съ уваженіемъ; и при каждомъ его словѣ величалъ: Вашей милости, Григорій Максимычь! я услышалъ, что Григоріи Максимычь приказалъ поставить самоваръ; я замѣтилъ, что Григорій Максимычь простова чаю

кушать не изволитъ; потому что передъ Григорьемъ Максимычемъ появились полштофы съ водкою. Кто это? спросилъ я почесывающаго свое брюхо деревенскаго парня. Экъ ты! отвѣчалъ мнѣ малой, ужъ ты не знаешь! его и самъ Губернаторъ знаетъ; это нашъ Волостной Голова; тройка та мірская; до Володимира то завтрѣ къ вечеру и докатимъ.

При сихъ словахъ блеснули умения въ головѣ радостныя идеи, дай, ка, я примусь за Максимовича, подумалъ я; авось; довезетъ меня по пути; дай ка по пробую, не будетъ ли Максимычь и меня подчивать чайкомъ; дай ка, попробую, хорошали у Максимыча водка! но какъ подступится къ Максимычу я тутъ вспомнилъ о Хріѣ Инверсѣ, въ которой не велятъ прямо хвататься за предложеніе, а велятъ сперва сдѣлать учтивой и ум-

шинькой приступъ. Очень хорошо! думалъ я; да какъ сдѣлать приступъ къ Максимычу. Въ Хріѣ Инверсѣ, при сдѣланіи приступа, велятъ смотрѣть на лицо и на страсть лица. Лицо вижу, думалъ я по половѣлъ, опухло, измялось; знаю и угадываю страсть; Максимычь любитъ пуншъ Максимычь любитъ погулять на мірскія деньги; да какъ же сдѣлать приступъ? ваше измятое роженосіе! думалъ я, сдѣлать привѣтствіе; чело ваше показуетъ что ваша милость любитъ пуншъ самой крѣпкой; да, обратишь на мя смиреннаго свои очи ясныя доколѣ еще пары пуншта не ударились въ мозгъ и непомрачили свѣта въ отчесахъ твоихъ.

Когда я готовился къ Максимычу съ Хріей Инверсой; и размышлялъ per antecebens sui consequens; или, per xhesin et Hupothesin Хріею начать, тол-

сточревой человѣкъ, всемирной пилигримъ, къ Максимочу подступилъ прямо съ Хріей Ордынатой? Фока Пантелѣичь былъ практической ораторъ; Фока Пантелѣичь не слыхавши были ли на свѣтѣ Цицероны Димосфены, Катуллы и Проперціи, не учивши напзусть доска отъ доски Бурсіевыхъ Риторикъ, Фока Пантелѣичь видавши не одну тысячу Григорьевъ Максимычей, былъ практической Ораторъ сей многоглаголивый Аввакумъ сталъ на стражѣ у Григорья Максимовича. Фока Пантелѣичь дабы привлечь вниманіе не только Максимыча, но и всей при сущій братіи, разставилъ подлѣ себя на лавкѣ дюжины съ двѣ пузырьковъ, разложилъ пластыри; и запахъ канфары, разведенной въ пузырькахъ съ виномъ, коснулся ноздрей Максимовичевыхъ.

Что это, братъ, у тебя за снадобья? спросилъ Максимычъ.

Преудивительныя! возклпкнулъ Фока съ видомъ таинственнымъ. Бабушки мои и дѣдушки выдумывали ихъ; и ужъ какъ попались онѣ въ руки лѣкарей и аптекарей, не знаю; а полезны онѣ отъ всякой болѣзни и немощи; вотъ, это отъ ломоты, а это отъ щемоты; это отъ хпрагры, а это отъ подагры.

Ваша препзящная отмѣнность и степенность! говорилъ випія, подвигаяся къ Максимовичу съ цѣлебными веществами; между тѣмъ какъ его отмѣнная степенность клала въ большой стаканъ сахаръ, наливала въ него семь частей водки, а осмую долю стакана воды, и начинала прихлебывать.

Ваша препзящная степенность и отмѣнность!

Увы!

Увы! подхватилъ я, чувствуя, что Ораторъ отобьетъ у меня Максимыча.

Увы! возопилъ Ораторъ; горе человѣкамъ, сѣдящимъ во тьмѣ и тѣни смертнѣй; горе человѣкамъ, шатающимся вскуе и поучающимся тщетнымъ; горе человѣкамъ, не почитающимъ Волостныхъ головъ; горе человѣкамъ, ненавидящимъ и вопіющимъ, яко бы сіи мудрые человѣки, сирѣчь, Волостныя Головы, собранныя съ міру деньги употребляютъ на свои прихоти, между тѣмъ какъ сіи человѣцы измождаются на потребу многихъ, ово Исправниковъ; ово судей, ово Секретарей, ово на потребу приказныя братіи, ово и на многайшія протори, убытки, волокиты и проѣсти. Посмѣваюсь я невѣрующимъ; и, во главахъ ихъ не обрѣтаю смыс-

ла. Воззри, глава премудрая; преполсанъ я есмь вервіемъ; и, ищу премудрости во всѣхъ странахъ вселенныя. Въ сіе время развернулъ онъ предъ глазами Максимыча карту Азіи, а Европейская карта уже была развернута зри, говорилъ витія, се, страны свѣта; се! откуда пришельствовали Турки и Персіяне; се! откуда пришельствовалъ и Наполеонъ. Покажи ка, братъ, дорогу, покажи, вовопилъ Максимычь, утирая свою бороду; вотъ, этотъ откуда прибылъ?

Се! Парижъ, началъ говорить Витія; отъ сея страны захватилъ двадесять языкъ и пришолъ въ наши грады и веси.

Да, чорта и взялъ! подхватилъ одинъ изъ присудствующихъ; ты бы лучше показалъ намъ дорогу отъ Москвы до Парижа; да, разказалъ бы,

по добру ли по здорову, дошли эти двадцать языковъ до дому! какими они языками говорили на возвратномъ пути отъ насъ? а, я эти языки слышалъ, когда мы съ Федькой косымъ, да съ Артамошкой кривымъ въ бока ихъ, вилы втыкали. Мы люди простые! слышали, что ихъ языкъ не больно хорошъ. Правда, спервa услышали пардонъ; а, тутъ ужъ и не разобрали, что они стали говорить, когда попадали какъ снопы.

Между тѣмъ Максимычь глядѣлъ на карту; а, Витія продолжалъ. Се! какія хартіи въ рукѣхъ моихъ; но, се! и книги житейскихъ премудростей; се! главы Соломоновы; се! кузи, иже начерташася разумными и премудрыми.

Максимычь разбиралъ, глядѣлъ то на карты то на Астрологи; а, Витія продолжалъ: се! циркуль ко-

имъ измѣряются по симъ Соломоновымъ главизнамъ человеческія дѣянія.

Ханжа! да тебѣ квасу и пить нѣкогда; потому что пьешъ то вино, то пиво; а говоришъ ничего непью, кромѣ воды.

Да, откуда ты, братъ? спросилъ Максимычь.

О, великое человѣческое искушеніе! отвѣчалъ Витія; все свое имѣніе раздалъ нищимъ, помня заповѣди Божія, и нынѣ, собирая избытки отъ доброхотныхъ дателей, раздаю иныя избытки неимущимъ и сирымъ. Научая человѣковъ житейской мудрости по симъ хартіямъ, чрезъ изстолкованіе будущности предотвращая грядущія напасти и бѣды, чрезъ лѣчебствованія, изцѣляя всякія язи, недуги и немощи, служу человѣкамъ.

Прошу присѣсть! возопилъ Максимычь, наливая ему стаканъ пуншу.

Нѣтъ ! нѣтъ ! возгласилъ Витія, нѣтъ много согрѣшилъ я на бѣломъ свѣтѣ ; пилъ вино и водку ; обольщеваемъ былъ женами ; но нынѣ на пути соблазна не стану ; постился , въ трудѣ пребываю ; не только не пію вина , но даже и кваса чуждаюсь, довольствуюся единою водою.

Ихи ; хи , хи ! сказала ; покачивая головою дворничиха Елистратовна ; что ты душою кривишь ? какъ придти то на тотъ свѣтъ ! живешъ ты у насъ третій день ; а ужъ отъ полуведра не много остается ; ну не самъ ли ты купилъ вино ? не самъ ли поставилъ въ чуланъ подъ лавку? вѣдь, вонъ , оно ! что осталось , такъ осталось ; мнѣ Господь съ тобой !

Сказавши сіе, Елистратьевна вытащила изъ чулана бочонокъ ; и, показавши , начала говорить : а квасу та , тебѣ и пить нѣкогда ; потому

что пьешь то вино, то пиво. То самъ въ трактиръ; то работникъ поди Панкрашка за пивомъ; вонъ, еще и бутылки въ полпивную не снесены. Епистративна вытащила съ дюжину бутылокъ пустыхъ; вѣдь, вотъ, говорила она; я не сама пила а ты. Трудъ же твой не великъ; встать, да поплотнѣе позавтракать! запираться нечего! гляди ка, на крестики, которые я мѣлкомъ поставила; въ два дня съ половиною скушалъ ты баранины жареной 10 фунтовъ, солонины съ хрѣномъ 9 фунтовъ, говядины пошло только 7 фунтовъ; а копченой ветчины 11 съ половиной. Отъ недоѣдковъ не будетъ эдакаго живота; прости, Господи и волосы то пухнутъ, а послушай ка, что говоритъ работница Соломашка; уходитъ спать ужъ ко мнѣ въ чуланъ. Шило въ мѣшкѣ

не утаишь; вонъ, у школьника лицо не лоснится; не пьётъ, такъ не пьётъ; похлебаетъ щецъ, да ложася и скажетъ: Елистратьевна! не будетъ ли попутчиковъ въ Володиміръ! А, ты, батюшка, кто такой и отколѣ; и куда Богъ несетъ и за чемъ въ городѣ, не вѣстимо; сказываешся, что ты Фока Пантеленчь; а Богъ тебя знаетъ Фока ли ты или какой другой. Расплатись, батюшка да и съ Богомъ; третья ночь будетъ; дальше трехъ дней держать безъ виду не льзя.

Елистратьевна пошла въ чуланъ; Витія же потерялъ всё свое краснорѣчіе. О, несмысленнін! сказалъ онъ свернулъ ландкарты, взялъ пузырки; и, положилъ въ свой чемоданъ, которой онъ хранилъ въ чуланѣ подъ лавкой, гдѣ находилось и вино въ бочонкѣ.

Я помышлялъ о томъ, какъ бы подластиться къ Максимычу, чтобъ онъ меня довёзъ до Губернскаго города; но, тутъ я увидѣлъ, что дѣло было совсѣмъ другое. Витія добирался до Максимовичева кошелька Витія подбирался: не тронетъ ли Максимовичево благочестіе? не удѣлитъ ли что Максимычь въ пользу бѣдныхъ, которыхъ ходатаемъ онъ себя представлялъ? не потребуетъ ли Максимычь какихъ лѣкарствъ? не пожелаетъ ли Максимычь поучиться у него Географіи? не загадаетъ ли Максимычь: будетъли Максимычу милость отъ исправника, отъ судьи, отъ секретарей отъ повытчика? выберутъ ли Максимыча на будущее трехлѣтіе головой. Будетъ ли поѣздка Максимовича благополучна? сдастъ ли Максимычь рекрутъ по добру, по здорову? отдаетъ ли онъ въ солда-

ты одинокаго вдовина сына вмѣсто пятерника Вавилы, его кума? Не узналъ ли Губернаторъ, что Максимычь собралъ съ волости, изъ трехъ тысячь душъ состоящей, по рублю съ души? Вотъ, что замышлялъ Витія; и, вотъ, съ какимъ намѣреніемъ онъ подступалъ къ Максимычу; и Максимыча точно было расположился погадать; но, Елистратьевна сбила съ пути Максимыча; потому что Максимычь вѣрилъ Елистратьевнѣ. Сказать правду, Елистратьевна своею честностью и прямодушіемъ пріобрѣла всеобщее уваженіе Елистратьевна не терпѣла лжи и обмана, Елистратьевна знала, кто говоритъ что, и для чего; потому что Елистратьевна была практическая Философка. Елистратьевна съ перваго взгляда замѣтила, что я толку ни въ чомъ не знаю; замѣтила, что я, разстав-

шись съ родимой, грущу; и, незная своей будущности, жалѣю изстратить по напрасну одной копѣечки; указывая мнѣ на святые иконы говорила: не тужи, молодецъ! молись Богу; живи честненько, да умненько; Богъ дастъ и смыслъ и разумъ. Вотъ, какова была Елистратьевна.

Когда Елистратьевна обратила на меня свое вниманіе; обратили вниманіе на меня и всѣ присутствующіе Максимычь посадилъ меня съ собой. Я, ободренный Елистратьевной, началъ также ораторствовать, разсказывать о Семинаріи, о обычаяхъ монастырскихъ; и, поелику разсказывалъ всё чистосердечно; то пріобрелъ у слушателей вниманіе.

Вотъ, я сказала, что честно, такъ честно: возкрикнула Елистратьева: тоскуетъ сердешной по отцѣ

и матерѣ; да, ц не знаетъ какъ, добраться до Губерніи!

Да, я, братъ, доведу тебя! возгласилъ Максимычь; мнѣ по дорогѣ.

Вотъ, и спасибо! подхватила Елистратьевна, право, спасибо! въ городѣ у него нѣтъ никого знакомыхъ; а тебя добрые люди знаютъ; тамъ его и познакомлю, малой то еще нигдѣ небывалой; видишь, рукъ своихъ боится.

По утру Максимычь закричалъ мнѣ: вставай ка, братъ, поѣдемъ съ Богомъ! я подошелъ къ Елистратьевнѣ, сталъ спрашивать; много ли съ меня за постой? ну! возклнкнула Елистратьевна, не опилъ, не объѣлъ; Богъ съ тобой! береги денежки; чужая сторона не матушка родная.

Вынутые мѣдные пятаки положилъ я обратно въ карманъ, почувствовавши, что такое значитъ не-

тинное благотвореніе, истинное христіянство, истинная нравственность. Признаюсь, ежели бы вездѣ такія были Елистратьевны; то бы вездѣ было много умирающихъ спокойно.

Вдругъ входитъ полицейской Чиновникъ. Елистратьевна! сказалъ онъ; у тебя проживаетъ нѣкто именующій себя Фокою Пантелѣевымъ.

Вонъ; батюшка, онъ на полатяхъ! отвѣтствовала Елистратьевна.

То, то на полатяхъ! подхватилъ Чиновникъ, что ты объ немъ мнѣ не объявила вѣдь, съ нимъ же бы вмѣстѣ я и тебя взялъ подъ стражу, ежели бы не былъ увѣренъ въ твоей честности.

Свяжите ему руки! сказалъ онъ полицейскимъ служителямъ, указывая на Фоку мошенникъ! говорилъ Чиновникъ, бѣжалъ ты отъ господина, обокралъ своего благодѣтеля, взялъ

чужой паспортъ; Фока ли ты Пантелѣевъ? бездѣльникъ! тебя зовутъ Евсей Ермолаевъ; была отъ господина еще прошедшаго года публикація, что ты бѣжалъ; но слѣдовъ твоихъ не открыли; нынѣ же, при всей твоей осторожности, ты открытъ; видишъ, ты косъ; кривъ: потому что бѣльмо на глазу: волосы рыжіе, не много горбатъ, заикаешся; ты ли это самой? прочти ка примѣты, которыя публиковалъ господинъ твой? таскаешся ты по городу; обманываешъ наружнымъ благочестіемъ простодушныхъ; зачѣмъ ты отростилъ волосы? зачемъ ты одѣлся какимъ то послушникомъ? видишь, какой плутъ! и ремнемъ подпоясался! притомъ, зашедши въ домъ госпожи Простоумовой, которая тебя приняла яко путешественника по святымъ мѣстамъ, за чѣмъ ты снялъ со стѣны золотыя часы? притомъ къ

госпожѣ Фалелѣевой пришедши, ты объявилъ ей, что идешь на богомолье; выманилъ у ней пять сотъ рублей; но этаго тебѣ показалось мало, ты утащилъ и коробочку съ брилліантами.

Въ сіе время Чиновникъ развязалъ его котомку; и вынимая коробочку съ брилліантами и часы говорилъ: это что? Елистратьевна! Елистратьевна! говорилъ Чиновникъ! пропала бы ты съ нимъ, но я знаю твою честность!; ты невиновата.

Возми, батюшка, и боченокъ его! возкрикнула Елистратьевна; Богъ съ нимъ, что у меня обжирался!

Какой боченокъ? спросилъ Чиновникъ.

Съ виномъ! батюшка, отвѣчала Елистратьевна.

Злодѣй! злодѣй! сказалъ, пожавши плечами Чиновникъ; ты обманывалъ

людей; но не обманешь Бога; зло рано ли, поздноли; но всё накажется. Чиновникъ повелъ преступника, а мы поѣхали съ Максимычемъ въ дорогу. Максимыча очень тронуло сіе произшествіе. Онъ былъ дорогою задумчивъ; онъ твердилъ слова произнесенныя Чиновникомъ: зло раноли, поздноли; но все накажется.

Я желаю лутче плести вѣнокъ, изъ полевыхъ и луговыхъ цвѣточковъ, на вѣрную мою собачьку, нежели ласкаться къ нѣвѣрной женщинѣ.

По пріѣздѣ въ Губернскій городъ Максимычь, по внушенію Елистратьевны, рекомендовалъ меня постоялаго двора содержателю. Надобно отнести къ чести Максимыча, что онъ меня, яко бѣднаго семинариста, везъ на

свой щотъ; даже съ меня не брали ничего на постояломъ дворѣ, по ходатайству Максимыча. Максимычь тогда исправилъ дѣла свои хорошо; я примѣтилъ, что Максимычь не пожелалъ, чтобъ чиновники ему говорили: Зло рано ли поздно ли; но зло всё накажется нынѣ же Максимычь, какъ я слышалъ, уже не Головою а, простымъ крестьяниномъ. Передъ Максимычемъ не скидаютъ уже шапокъ! эти Максимычи, теперь сидящіе на судейскихъ креслахъ, величающіеся, презирающіе бѣдность, должны ожидать, что тѣ, которые передъ ними ползали, тѣ и не взглянутъ на нихъ! гнушаться будутъ!

Я не хочу описывать жизни моей въ городѣ Губернскомъ; ибо существуютъ еще люди, которые оскорбятся, ежели я буду говорить правду. Я долженъ только теперь ограни-

читься однимъ напоминаніемъ, что долженъ былъ я прожить въ Губернскомъ городѣ мѣсяцовъ 9-ть. Признаться, хотя я съ природы не люблю кокетства; съ самаго младенчества началъ презирать людей, привержeнныхъ къ кокетству. Я небоготворилъ невѣжества женскаго пола; и до сихъ поръ удивляюсь, что сластолюбцы радуются торжеству коварства своего. Въ обителяхъ расточительности я съ ужасомъ слышалъ жестокіе отказы для бѣднаго, протягивающаго руку для одной копѣйки. Я видѣлъ въ нихъ всё, кромѣ человѣчества!.... Глупые кумиры пресмыкающихся! Вы недостойны одного взгляда добродѣтельнаго человѣка. Я узналъ, что есть тигры въ тѣлѣ человѣческомъ. Печальные примѣры злобы человѣческой заставляютъ человѣковъ желать пустын-

ныхъ дебрей, нежели великолѣпныхъ городовъ. Подобныя мнѣ творенія, такъ думалъ я, будутъ меня уважать яко подобнаго себѣ, но, я увидѣлъ, что глупый образъ нашихъ мыслей для самолюбія служитъ Фиміамомъ. Я началъ видѣть оскорбителей дружества; Боже мой! я видѣлъ извергов, которые обесчещивали женъ своихъ благодѣтелей, друзей; видѣлъ, какъ облизали дочерей ихъ и сестеръ. Но, я содрагаюсь! я задавалъ себѣ задачу: отъ чего произходитъ кокетство? Теперь рѣшу: отъ недостатка способности къ любви и дружбѣ.

Признаюсь, я люблю смотрѣть на проказы человѣческія, дабы извлекать изъ нихъ пользу, т. е. дабы самому ихъ не дѣлать. Мнѣ показалось очень смѣшною одна женщина, которая желала угодить вдругъ троимъ; одному махала платкомъ, друго-

му подавала знакъ глазами, третьему тѣлодвиженіями. Я началъ посещать школу женскаго злословія. Я задавалъ также себѣ задачу: кто можетъ быть всего легче обманутъ? Теперь рѣшу: любовникъ! я желаю лучше плести вѣнокъ изъ полевыхъ и луговыхъ цвѣточковъ на вѣрную мою собачку, нежели ласкаться къ невѣрной женщинѣ.

Живя въ деревнѣ любилъ я весною глядѣть на деревенскихъ дѣвушекъ, когда онѣ по зеленому лужку разстилали холстики; когда онѣ, сидя подъ кусточками, расплетали свои волосы, завивали кудри русыя, пѣли пѣсни веселыя; я любилъ съ ними ходить во время Семика въ рощицы; но, увы! При вступленіи въ свѣтъ всё изчезло передомною. Воображая теперь всѣ нещастія міра, я готовъ теперь же бы сложить земную оболочку. Я почувствовалъ тогда, что

я какъ будто брошенное существо въ цѣломъ мірѣ? Мнѣ казалось, что я поставленъ на позорищѣ міра посмѣлищемъ всему роду человѣческому; ибо видѣлъ, что я чуждъ всякому. Я представлялъ себя блуднымъ сыномъ, удалившимся на страну далече. Я искалъ существенности въ воображеніи; но нашелъ одну мечту, Мечтательность сдѣлала меня нещастливымъ. Идеалы красотъ меня обманули. Я желалъ любить романически; но романы пусть останутся въ головѣ; успокойся разгорѣченное воображеніе! Но скажу правду, что я никогда не хотѣлъ жениться—на *Масскахъ*! я всегда держался правила: женщина всѣхъ ласкающая, привлеченъ одного только волокиту; а я тѣмъ не былъ, покрайнѣй мѣрѣ, въ то время, я думаю такъ, что женщины требуютъ надзора. Не знаю,

развѣ меня обманываетъ опытъ. Что есть симпатія всей природы? спрашивалъ я самъ себя. Сей вопросъ разрѣшитъ только тотъ, кто умѣлъ и имѣлъ щастіе наслаждаться непритворною любовію. Я спѣшилъ въ слѣдъ за мѣчтами воображенія; но вижу и видѣлъ, что уклоненіе отъ простоты природной, есть граница щастія. Я наложилъ на себя оковы предразсудковъ. Довольно я сказалъ, что я получилъ при вступленіи моемъ въ свѣтъ. Губериской городъ не есть Вселенная; я въ немъ не захотѣлъ остаться; я желалъ видѣть свѣтъ, т. е. суету мірскую. Получивши чистую отставку изъ духовнаго вѣдомства, я пустился въ бѣлокаменную. Вотъ, тутъ то увижу я рѣдкости, думалъ я; вотъ, здѣсь то понаберусь ума, разума. Господи, Боже мой! я увидѣлъ издали Иванов-

скую колокольню; я мечталъ о щастіи; я думалъ такъ, что щастіе мое также будетъ пространно, какъ и Москва; но, теперь понимаю, что это были мечты; однако извощикъ Никифоръ проѣхалъ заставу; — и, я на постояломъ дворѣ — у Львова, спрѣчь въ Москвѣ.

О, любезная моя ученая супруга питомка изъ знатнаго дома! обними меня Бета и кошона, да и вынь изъ кармашка гривенничикъ, знакъ приказническихъ хлопотъ моихъ.

По пріѣздѣ моемъ въ Москву, пришелъ я къ своему знакомцу Ивану Ивановичу, которой, не кончивши курсъ ученія, вышелъ изъ духовнаго званія. Не упомню, въ Магистратѣ

ли онъ тогда служилъ, или въ Надворномъ судѣ, или въ Гильдіи; но, женился на питомкѣ изъ знатнаго дома. Иванъ Иванычь полагалъ, что жена его, умѣющая по Французски, танцовать, успокоитъ его Магистратское, или Гильдейское приказничество. Онъ ласкался надеждою, что *учоная жена* будетъ вынимать съ веселымъ видомъ, изъ суконной его жилетки, т. е. изъ кармашка, гривенничикъ, которой онъ, спрѣчь, Иванъ Иванычь, взялъ — за хлопоты; но нѣтъ! Елисавета Михайловна (прости меня Господи; опять пришли на память Выжигины; чтобъ имъ всѣмъ сквозь землю провалиться окаяннымъ) Елисавета Михайловна на ласки мужа своего отвѣчала по Французски, имянно: Bête, cockon, voila comme, ca; clest-ca; что это за кошоны? Спрашивалъ Иванъ Иванычь. Любезной муженё-

чикъ! отвѣтствовала драгайшая супруга. А, когда такъ, то обними меня Бета и кошона! возопилъ Иванъ Ивановичъ; abominable creature! bete a corne! вопіяла супруга. О! любезная ты моя креатура! гласилъ Иванович; ты есть моя супруга; но что это Беты съ корнами?

По Латинскому лексикону эти Беты съ корманами походятъ на Азинусовъ, сказалъ я.

Какъ? возкликнулъ Иванъ Иванычъ, развѣ я оселъ.

Ну, ка, другъ мой, отвѣчалъ я, просклоняй по лѣбедевой Грамматикѣ но; udex; vervex, спрѣчь по узору judex проведи формулу Вервекса, т. е. барана; judex sudicis; a vervex vervecis; приставить тутъ изъ четвертаго склоненія cornua, такъ и будетъ cornua vervicis; т. е. бараньи

рога; да барана то не простова, а такова, какой есть Латинской verves.

Хитро, братъ, ужиться съ женою, которой языкъ непонятенъ для мужа, сказалъ Иванъ Иванычь. Guell grand fou. Возклнкнула Елисавета Михайловна.

Что это за фу? спросилъ Иванъ Ивановичь.

Извѣстно что, отвѣчалъ я, фу, значитъ плюнь на того, которой vervex у своей нѣжной супруги. Это прекрасное названіе; это милое словцо для супруговъ, влюбленныхъ другъ въ друга.

Такъ, и меня Лиза любитъ? подхватилъ Иванъ Иванычь.

Il a perdu la raison ! возклнкнула Елисавета Михайловна засмѣявшись.

Такъ! такъ ! сказалъ Ивановичь, я щастливъ, имѣя супругу, меня лю-

ящею ; посмотри , другъ любезной ;
на меня любитъ; и, я блаженствую!

О charles venez chez moi plus vi-
! возкликнула Елисавета Михай-
овна.

Что это за Шарлъ? спросилъ
ванъ Ивановичь.

Это братецъ, Карлъ двѣнадцатый
пвѣчалъ я , которой любилъ брать
се приступомъ.

Вотъ, ты видишъ , подхватилъ
ваповичь, жена моя знаетъ и исто-
ію.

L'histoire de marie est connue à
harles ! возопила Елисавета Михай-
айловна.

Такъ! сказалъ Ивановичь , Карлъ
вѣнадцатый великъ.

Здѣсь не двѣнадцатый , подхва-
илъ я; здѣсь , можетъ быть сотый.

Признаться, вышедши отъ Ива-
а Ивановича я полагалъ , что взялъ

у него назидательной урокъ; я рѣшился никогда не имѣть жену питомку; изъ знатныхъ домовъ даже и другимъ не совѣтую, убѣждая каждаго для охраненія спокойствія семейной жизни. Не объ чемъ разговаривать съ женою по Французски, наговоримся и по Руски; а танцовать, право ненужно замужнѣй женщинѣ.

Я не Московской лазутка, соглядатай неотпертыхъ калитокъ; да вотъ, и дядюшку насило привели!

Въ глубокое впалъ я размышленіе по выходѣ отъ Бета и Кошона. Господи, Боже мой! думалъ я, сидѣлъ я и въ деревняхъ Бетовъ Кашоновъ; но, ужъ не такую грѣшную стать. Не въ глаза, таки, ужъ мужей жены

называютъ Бетами и Кошонами; не въ глаза, таки, ужъ говорятъ, что у нихъ были Карлы смѣлые въ гостяхъ; ну, думалъ я, самъ виноватъ; зачѣмъ, не зная по Французски взялъ жену модницкую. Впрочемъ, я тогда еще не зналъ, что это дѣлается по модѣ; я не зналъ, что значатъ питомки знатныхъ домовъ; что значитъ пансіонерка продажныхъ душъ; тогда меня это удивило; но, теперь уже не удивляетъ. Положеніе мое было самое критическое. Въ Москвѣ у меня не было никого знакомаго, кромѣ тетки, приходящейся въ седьмомъ колѣнѣ; но, и объ той не зналъ, гдѣ она проводитъ жизнь свою. Гдѣ мнѣ ночевать? думалъ я; вотъ, сущая бѣда! пришла ночь осенняя, бурная, ненаходя ни гдѣ квартиры, ходилъ я по Москвѣ до тѣхъ поръ, пока неперестали стучать по мостовой кареты. Наконецъ,

увидѣлъ, что надобно гдѣ нибудь присесть; подошедши къ Знаменскому монастырю, склонилъ я свою буйну голову на камень подъ монастырскими воротами. Тогда то я почувствовалъ, что значитъ удалиться изъ дому родительскаго. Ужъ не похожу ли я на сына блуднаго думалъ я; не лучшели бы было надѣть рясу съ широкими рукавами и въ малой деревенской паствы поучивать смиренномудрію мирныхъ поселянъ? нѣтъ! говорилъ я самъ съ собою, дай, поношу шпагу!

Въ сихъ размышленіяхъ, погрузился я въ сонъ; но набѣжавшія собаки разбудили меня. Сіи животныя, какъ бутто узнали, что я пришелецъ, а не Московской лазутка, соглядатай неотпертыхъ калитокъ; а потому обнюхавши меня, удалились.

Лишь только появилась заря утренняя; я всталъ и пошолъ прохаживаться. Не желая опять ночевать подъ монастырскою оградою, я рѣшился отыскать свою въ седьмомъ колѣнѣ причитающуюся тётку; а, потому всѣхъ обѣгалъ Николъ; ибо я слышалъ прежде что она обитаетъ у Николы въ приходѣ; а у какого Нилы? я и незналъ. Я обратился сперва къ Николѣ Мокрому, потомъ къ Стрелецкому, на Курьихъ Ножкахъ и къ прочимъ; но, тётки моей ненаходилъ. Путешествіе по Николамъ продолжалось до вечеренъ; а тетки ненашелъ, постой! сказалъ я, вѣдь тетки шутъ живетъ на свѣтѣ слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ; онъ уже Коллежскій Регистраторъ; дай, ка я толкнусь въ присудственныя мѣста. Въ силу сего рѣшенія, я началъ съ самыхъ низшихъ дистанціи, именно

съ Земскаго Суда, потомъ кинулся въ Уѣздные, въ Магистраты, въ Надворные, во всѣ Палаты; а дяди ненаходилъ; да, и ненашелъ бы; ежели бы провидѣніе не послало мнѣ почтеннаго старичка. Онъ разговорившись со мною увидѣлъ, что я ищу его искренняго друга.

Пойдемъ ка, братъ, со мной сказалъ Степанъ Тимофѣичь, и повелъ меня за Пресненскіе пруды.

Вотъ, вашъ любезной племянничикъ; сказалъ Тимофеичь, введши меня въ пространной погребъ, въ которомъ стояло подлѣ стѣнъ кроватей до десяти.

Тетушка моя была хозяйка сего ею нанимаемаго погреба. Не больница ли это, думалъ я; но, нѣтъ, всѣ здоро-

вымъ здоровѣхиньки. Обитатели всѣ были женщины разныхъ лѣтъ; и всѣ были чиновницы; инàя поминала о покойникѣ своемъ супругѣ Губернскомъ Секретарѣ, другàя о Титулярномъ Совѣтникѣ и такъ далѣе; и всѣ проклинали покойниковъ, что они заставили ихъ ходить съ просительными письмами по богатымъ домамъ и по Комитетамъ.

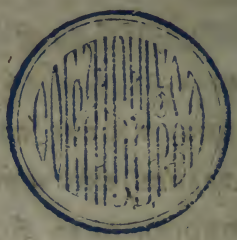
Тётка моя приняла меня болѣе по Христіянски, нежели по родственнически. Видя, что я облизываюсь и глотаю слюны, вытащила изъ двадцати пяти горшковъ, стоящихъ въ печи, одинъ, налила мнѣ щей, которыя показались мнѣ столь вкусными, что я опорожнилъ всю чашку.

Лишь только я кончилъ обѣдъ; какъ втащили въ комнату безъ чувствъ пьянаго человѣка.

Окаянной! вскричала тётка; и начала шарить въ карманахъ. Такъ и есть! вскричала она, одинъ цѣлковой отъ краснинькой мѣсячнаго жалованья всё пропилъ!

Читатели! это мой былъ дядюшка.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

1. Моя родословная только до дѣдушки; а какъ звали прадѣдушку, и кто онъ былъ, не знаю. Вотъ, какова и знатнаго происхожденія. 15
2. Душно мнѣ жить въ городѣ не вижу я ни лѣсовъ, и луговъ. 21
3. Машутка, дочь дворничихи Никоновны подхватываешъ блинки со сковородки; а я только лишь облизываюсь. . . . 29
4. Огромные Студенческіе пучки мотаются по плечамъ. . . 38
5. Нѣтъ! у меня будетъ жена съ гребеночкой на головушкѣ, въ завиточкахъ, на шейкѣ былибъ сюрпризцы съ разными вычурами и купидончиками Вотъ какъ. 53
6. Ну! грамотѣевъ въ сторону, а на безграмотнаго и должность возложили. Что нибудь да это значитъ! 61
7. Нѣтъ! и Поповская дочька, облизня ручьки, пойдетъ за

Стран.

меня; вѣдь, я кончалой Студентъ; а изъ нашей родни ни кто и Синтаксиса не доходилъ. 74

8. Деревенской парень, почесывая брюхо, говоритъ: Это нашъ міроѣдъ, Волостной Голова разгулялся на мірскія деньги . 85

9. Ханжа! да тебѣ квасу и пить нѣкогда; потому что пьешь то вино, то пиво; а говоришъ: ничего не пью кромѣ воды. . 95

10. Я желаю лучше плести вѣнокъ изъ полевыхъ и луговыхъ цвѣточковъ на вѣрную мою собачку, нежели ласкаться къ невѣрной женщинѣ. 106

11. О любезная моя Ученая супруга, питомка изъ знатнаго дома! обними меня Бета и Кошопа; да и вынь изъ кармашка гривенничикъ, знакъ приказническихъ хлопотъ моихъ. . . 113

12. Я не Московской Лазутка, соглядатай неотпертыхъ калитокъ, да вотъ, и дядюшку на силу привели! 118

МОЯ ЖИЗНЬ
ИЛИ
ИСПОВѢДЬ
МОСКОВСКІЯ ПРОИЗШЕСТВІЯ
АЛЕКСАНДРА ОРЛОВА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Multa tuli puer ego, sudavi et alsi.

И ДРУЖБА И, ЛЮБОВЬ ПОШЛИ СЪ ДВОРА ДОЛОЙ, КОГДА УВИДѢЛИ МОЙ КОШЕЛЕКЪ ПУСТОЙ.

МОСКВА,
Въ Губернской Типографіи
1832.

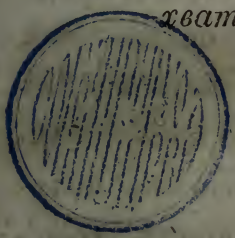
Печатать Позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Апрѣля 25-го дня 1832 года.

Цензоръ Л. Цвѣтаевъ.

ЖИЗНЬ МОЯ

Дядюшка мой кувыркается, да валяется, а тетушка выставляетъ кулачки, и боится, чтобъ дядюшка не схватился за ухватъ.



Дядушка мой угомонился, т: е: повалили его на полу ; ибо ни какъ нельзя было уложить его на постелю. Сами разсудите; каково поднять пьянаго! однако я замѣтилъ, что тетушка моя крестилась, а съ нею вмѣстѣ и чиновницы, ея любезныя жилицы. Хоть безъ драки, да шуму! говорили всѣ; что бы было, какъ бы пришолъ только въ пол-пьянъ! изъ таковыхъ

возклицаній, я замѣтилъ, что дядюшка мой, будучи въ полпьяна, сидѣть молча не любилъ; замѣтилъ также и то, что тетушка моя, увидя, что дядушка заснулъ, стала вытаскивать изъ подъ печки ухваты и сковородники, которыя она туда скрыла прежде прибытія его. Это подало мнѣ идею, что дядушка мой былъ не изъ числа плохихъ воиновъ, во время полуопьянсція. Я замѣтилъ, что онъ походитъ на древнихъ ратоборцевъ, которые не употребляли огнестрельнаго оружія, а просто, дрались какъ говорится, чѣмъ ни попало. Я замѣтилъ, что теткѣ пріятнѣе былъ онъ во время безчуствія, нежели въ одну половинку безчуствія; ибо тогда у ней цѣлѣе были бока да не ломались сковородники. Но пока дядюшка мой Владимиръ Петровичъ, теперь уже ему вѣчная память, пока онъ почи-

васъ, я имѣю всякое право не много и отступить отъ разказа; а описать характеръ роднаго его брата, слѣдственно также моего дядюшки, Алексея Петровича Комолова, дьячествующаго во единомъ изъ приходовъ Залескаго Переяславля; хотя и онъ уже покойникъ; но я, всё таки, потщусь изобразить характеръ его, дабы показать, что братья не всегда одинаковы въ чуствахъ, мысляхъ и поступкахъ. Алексѣй Петровичь былъ, сказать правду, человѣкъ ориганальной, а, вотъ почему: плохо умѣя читать, слылъ первымъ грамотѣемъ во всей округѣ. Да оно и рѣшить не мудрено нужно только взглянуть на журналистовъ всякой Божій день выкидываютъ для публики по печатному листу; и, слывутъ приучоными мужами, хотя эти часовые журналистовъ, т: е: возрасшіе въ одинъ часъ,

существуютъ тоже одинъ часъ т: е: когда въ рукахъ у читателя. Я теперь не Алексѣю Петровичу истинное уваженіе имѣю; ибо онъ, хотя и въ другомъ отношеніи, настоящей былъ журналистъ. Алексѣй Петровичь, мой дядюшка, вопъ, какъ при службѣ поступалъ; развернетъ книгу; и, когда надлежитъ читать канонъ; или часы и тому подобное, Алексѣй Петровичь, вѣдая, что предстоятъ одни простодушные крестьяне, читалъ, что ему приходило въ головы, на пр. на горахъ станутъ воды, дивна дѣла твоя, Господи помилуй; слава тебѣ.

Такимъ образомъ Алексѣй Петровичь читалъ около часа, прибирая всё, что ему приходило на память; только читалъ безъ всякой запинки, на что онъ имѣлъ великую способность. Крестьяне слыша, что онъ читаетъ безъ запинки; громогласно,

упоминаетъ часто: Господи помилуй, говорили, что Алексѣй Петровичь чтецъ изъ чтецовъ. Но, дядюшка Московской сего таланта не имѣлъ; потому что былъ заика. Ежели онъ собирался что нибудь говорить то надабно было ждать минутъ пять чтобъ услышать что говорить онъ начнетъ. Вотъ, что удивительно; и тетушка моя Матрена Петровна, супруга достопочтеннаго моего дядюшки Владимира Петровича, также заика. Обѣихъ ли вдругъ Богъ снёсъ заиками, или, заикаться выучался которой нибудь одинъ у другаго, я сказать не могу; потому что совѣстно спросить было ихъ. За то Московской дядюшка имѣлъ талантъ — Производить на свѣтъ дѣтей! Вотъ, еще что удивительно. Ни одного не было чада женскаго пола! Притомъ Московской дядюшка былъ и храбрѣе деревенскаго пономаря, потому что не выпускалъ изъ рукъ либо кирпича,

либо палки. Сіи орудія были у него самыя любимыя: ибо онъ, во гнѣвѣ своемъ, билъ ими. либо окошки, либо посуду, либо ужъ мою тётушку. Однако тетушка моя, хотя и сама героиня, умѣющая навастривать кулаки, ясно видѣла, что съ героемъ, каковъ мой дядюшка, не сладишь, когда облечется онъ во всеоружіе бранное и воскипитъ яростію зельною. Тетушка моя прибѣгала къ воинскимъ стратагемамъ, имянно: видя, что Владиміръ Петровичь хватаетъ сковородникъ или полено, тетушка моя бросается подъ кровать, вынимаетъ изъ угла полштофа вина, стаканъ и кусокъ хлѣба съ солью; и, невылѣзая изъ подъ кровати, протягиваетъ обѣ руки и подаетъ раздраженному супругу сіи благодатныя вещи, т. е. силу вопіющаго и глаголющаго. При зрѣніи любимаго напитка, дядюшка

опускалъ бранное орудіе изъ рукъ своихъ, принималъ изъ рукъ супруги рюмку и полштофа; число его проясивалось; и онъ вмѣсто рюмки, бралъ съ полки стаканъ и подчивалъ самъ себя. Ну, далъ бы я тебѣ! говорилъ, выпивши дядюшка; но такъ и быть? Тогда тетушка спокойно вылезала изъ подъ кровати, и воцарялось согласіе и міръ.

При томъ дядюшка мой былъ и нечестолюбивъ! Въ чинѣ Коллежскаго Регистратора служилъ онъ лѣтъ съ двадцать, да съ нимъ и въ гробъ лёгъ. А, это, вотъ, почему; онъ просилъ Начальство, чтобъ его къ дальнѣйшему производству непредставляли. Дядюшка мой отрѣкался платить за производство въ казну деньги; да и Регистраторской чинъ едва либо онъ принялъ, ежели бы тетушка его не принудила. Хоть

умрешь Офицершею, говорила она; а, потому и купила ему шпагу, которая въ то время, какъ я прибылъ къ нимъ, висѣла на стѣнѣ, яко знакъ, что здѣсь живётъ Офицеръ. Но, такъ какъ отъ долговременности ножны сгнили и шпага заржавѣла до того, что нельзя было угадать: какая была она, деревянная ли, или изъ металла составленная; то это и было знакомъ, что здѣсь живётъ не новаго разряда Офицеръ — но обитаетъ Офицеръ Временъ Очаковскихъ.

Да! моя постелька подлѣ постельки молодой молодицы; знатно!

Тетушка моя отвѣчала мнѣ для почиванія въ уголкѣ мѣстечко подлѣ смиренныхъ дощечекъ, служившихъ постелею одной молодицы, которой мужъ никогда не начевалъ дома, по занятіямъ своимъ на фабрикѣ. На первую ночь, я не замѣтилъ своего

положенія, не замѣтилъ, что близъ меня не сосѣдъ, а сосѣдка; да какъ и замѣтить! отъ безпокойствъ ночеванія подъ монастырскою стѣною, спалъ я мертвымъ сномъ. Развѣ бы кто сталъ меня рѣзать; то я бы только тогда проснулся; а, отъ щекотанья проснуться едва либы могъ; развѣ, ужъ изволила бы прибыть Кіевская вѣдьма да русалка; а, потому я проснулся не прежде той поры, когда обитающія чиновницы начали надѣвать свои камлото-нанко-шерстяно-льняныя шушунчики и украшать свои головы черными чепчиками съ какими то брыжейками; когда начали онѣ завертывать въ засморканные платки просительныя письма, въ которыхъ призывалось всё человѣчество для проклятія покойниковъ мужей ихъ, и для вспомоществованія имъ бѣднымъ, оставшимся послѣ мужей съ ничѣмъ.

Я продралъ себѣ глаза, а дядюшка мой наливалъ—стаканчикъ, разумѣется, что ни шампанскаго, ни квасу, ни воды. Я тотчасъ отрекомендовался дядюшкѣ и дядюшка возвысилъ голосъ: Пристроимъ! у меня знать большая! т. е. своя приказная братія, Коллежскіе Регистраторы, Канцеляристы и Копеисты. Я благословлялъ свою участь, увидя себя, на перьвой разъ, подъ крылышкомъ дядюшки. Я слыхалъ и прежде, что дядюшки и тётушки много значатъ въ свѣтѣ; но я ошибся, какъ вижу нынѣ, что дядюшки разнаго сорта и покроя. Мой дядюшка переписывалъ весь свой вѣкъ съ чернаго на бѣло. Хотя бѣлое я лучше чернаго; но здѣсь выходитъ напротивъ; дядюшка мой, за написаніе кругомъ бѣлаго листа, бралъ по гривенки; а кто писалъ черное; тотъ бралъ за каждую строч-

ку по крайнѣй мѣрѣ всё его мѣсячное жалованье, т. е. десять рублей.

Дядюшка отправился въ свое мѣсто; а я пошелъ искать мѣстечка; но, ходивши цѣлой день, нашелъ много мѣстечекъ, гдѣ посидѣть, да позѣвать; но, ни одного, отъ куда бы взять содержаніе и къ дядюшкѣ воротился около вѣчерень. Я увидѣлъ, что тетушка моя уже на веселѣ; увидѣлъ, что чиновницы уже всѣ вкупѣ, одного только небыло дядюшки; поелику въ тотъ день онъ былъ дежурный. Тетушка моя затягивала пѣсенку: охъ ты матушка родима, на горе ты породила; и, съ ея алтистымъ голосомъ славились и дишкантики чиновницъ. Это было превеликое торжество; ибо все получали, что желали; одна изъ Комитета, другая отъ благодѣтелей, и тому подобное. Лица чиновницъ уже были не такъ пасмур-

ны какъ поутру; ибо передъ ними стоялъ самоваръ. Правда чай пилъ только я одинъ, а чиновницы съ грустии поставили передъ собой штофа два горькаго напитка, какъ я тогда его называлъ, да и чередовались уже не рюмками, а стаканчиками. Можетъ быть, кто нибудь подумаетъ, что уменьшительное слово: стаканчикъ, тоже что рюмка; нѣтъ! въ стаканчикъ входила шестая часть штофа. Попивая чаёкъ, я всматривался въ собесѣдницъ, довольно еще нестарыхъ, и даже пригожихъ. Скинувши свои черныя чепчики и фризо-суконно зашпитыя шушунчики онѣ надѣли опрятныя платьица. Видя что я деревенской степнячокъ и слишкомъ застѣнчивъ, подвигались ко мнѣ ближе и ближе; но, я, яко целомудренный Іосифъ, хотѣлъ уйти; но, онѣ брали меня за возскрилія моего халата. Я послѣ

увидѣлъ, что ихъ лобзанія не были лобзаніями Іуды; нѣтъ! нѣтъ онѣ были лобзанія искренности, т: е: доброжелательства мнѣ. Каждая мнѣ разказывала свою исторію жизни, и, каждая говорила указывая: на постель да, вотъ, нынѣ гдѣ Богъ привёлъ меня спать! бывало, не на эдакомъ тюфячкѣ валяюсь, а на перинкахъ пуховинькихъ.

Признаюсь, одна Коллежская Регистраторша роспространилась о покойникѣ своемъ и очень многонько. Напримѣръ, она начала разказывать, что мужъ ея покойникъ не умѣлъ ее содержать! была говорила Госпожа Регистраторша была она воспитана въ большомъ и пребольшомъ, знатномъ домѣ; была она, Госпожа Регистраторша дочь Регистратора же, служившаго многое и премножество лѣтъ гдѣ то, только запамятовала,

да никакъ въ Гилдейскихъ обществахъ; была то она, жила то она, что нынѣ Колежская Регистраторша, Акулина Савишна, въ домѣ богатомъ и прибогатомъ; слыла то она, слыла то она Акулина Савишна Питомкою; да и напиталась всѣхъ мудростей! а мудрости, вотъ, какія: Жилъ тутъ въ домѣ мусье Гарлавиль лё контъ, лё Прежъ изъ Пресъ, Сукцесеёръ, Гувернёръ дё Парижъ мемъ; но сей Сукцесеёръ, Гувернёръ не одинъ завѣдывалъ воспитаніемъ дочерей Барскихъ; тутъ былъ Герръ Шляхетъ. Чухнаусъ, Пустельмаусъ изъ Фландраусъ, Господинъ Нарръ—Манъ. Сей то Господинъ Нарръ—Маннъ внушилъ ей Акулинѣ Савишнѣ самыя превосходныя правила касающіяся до житейскихъ суетъ. Вышла я замужъ, изволила говорить Акулина Савишна, за мужъ за подъ-ячаго. Что тутъ

толку? мусье Нарръ—Манъ получалъ полпоры тысячи за то только, что въ барскомъ домѣ ростилъ брюхо, за то только, что наѣвшись и напившись кричалъ на дѣтей Барскихъ: потише! потише! за то только, что застоломъ, выставя свой красной носъ, ѣлъ и пилъ за пятерыхъ. Господи, Боже мой! говорила Акулина Савишна, а мой муженекъ, окаянной, не тѣмъ то онъ будь помянутъ, получалъ въ годъ 120 рублей, а сидѣлъ на перѣ, день и ночь; согрѣшила, я грѣшная; знавши по Французски могла ли жить съ приказнымъ, которой незналъ по Французски? Герръ Нарръ—Манъ всё таки меня посѣщалъ по старой дружбѣ! а, теперь мушъ умеръ, а Герра Нарръ—Мана, по навѣту лихихъ людей, выгнали изъ домовъ барскихъ, а за что? узнали, что

онъ въ Нѣмѣцкой землѣ былъ Дибъ. Скитайся, теперь по бѣлу свѣту!

Вы сударыня, дома? Ахъ! Боже мой! а въ Целларіевомъ лексиконѣ стоитъ: коза!

Да вы бы, сударыня, чемъ нибудь занимались, сказалъ я; не уже ли здѣсь въ Москвѣ, въ такомъ большомъ городѣ, нѣтъ ни ремесла, ни художествъ ваше дѣло женское!

Какъ возликнула Савишна, мое дѣло женское?

Надобно бы тебя, батюшка, сказать, ваше сударыня, дѣло дамское! подхватила моя тётушка, извиняя меня передъ ея дамскимъ высокорѣчіемъ; ея милости рукодѣлью въ барскомъ домѣ неучилась, а училась, какъ ея милость изволитъ, помнишь: Плеръ, сё теръ, даже, сё Фризе; тетеперь съ этими дансе, сё Фризе и изволитъ расхаживать по Бѣлокамен-

й изволишь разхаживать какія то
летръ Сюпплiянтъ, высокія ора-
ріи, прелестнѣйшія изъясненія; пуръ
езю кри, пуръ потръ Сеньіоръ, эде
ida) куакъ joue рубль (quaique un
uble).

Извините ваше дамское Высоко-
чіе, сказалъ я, я человѣкъ въ Моск-
не бывалой, и не знаю, что зна-
итъ здѣсь дама, я въ целларіевомъ
ксиконѣ dama значитъ: коза; только
знаю, какая это коза, съ хвостомъ,
ли безъ хвоста. Ежели вы дама; то
озвольте спросить: какая? Целларій
е объяснилъ, съ хвостомъ, или бух-
остая. Можетъ быть, Целларій хо-
ѣлъ только намѣкнуть о дамахъ, т: е:
озахъ; но мнѣ таки всё нужды
ѣтъ, съ хвостомъ ли эти дамы, или
езъ хвостовъ; такъ вы, сударыня
ама?

Истинно такъ! возклинкнула Акулина Савишна.

Извините же меня, Госпожа коза сказалъ я сообразуясь въ Целлярiемъ.

Какъ? я коза? подхватила Савишна учоность моя не помоглабы мнѣ, ежелибъ я былъ въ семьдесятъ лѣтъ, а Савишна въ шестьдесятъ; но помогло то, что мнѣ было за двадцать съ небольшимъ, а Савишнѣ съ небольшимъ подъ двадцать шесть.

Конечно, здѣсь долго будешъ разщитовать, что значатъ лѣта, и, какое онѣ имѣютъ влеяніе на судьбу человѣческую. У старухи Вавиловны, какъ я помню, съ рукъ несходили пятикопѣешныя калачи и за четыре копѣйки, а у Сысоевны, молодой вдовицы, и грошовые сходили за гривенные что дѣлать.

Повечеру къ неожиданной моей радости родимой мой дядюшка шолъ

бодрственными стопами; но, не одинъ! онъ шолъ въ сопровожденіи своихъ доброжелателей.

Тетушка, видя, что дядюшка пришелъ, по ея изрѣченію, въ своемъ видѣ, ухватовъ и кочерегъ не убирала. Свита дядюшкина состояла не изъ Польскихъ подъ-коронныхъ подкоморій; нѣтъ! это ничто иное было, какъ — Шляхта; знаменитая отрасль Подьячихъ, которые должны были рѣшить мою участь, т. е. придумать; куда меня опредѣлить къ мѣстечку.

Теперь надобно признаться, что я дурно поступилъ, что по ихъ рѣшенію, не опредѣлился къ мѣстечку; жилъ бы, да жилъ; да и дѣтушекъ бы нажилъ; но, не послушавшись дядюшки Владиміра Петровича, слишкомъ много я ошибся, ошибся до того, что я, въ сорокъ слишкомъ лѣтъ, не

женатъ. Кто читаетъ мою исторію тотъ видитъ, что я — Глупецъ нашъ умъ состоитъ не въ томъ чтобъ слушать умниковъ нѣтъ! ужъ состоитъ въ томъ, чтобъ слушать гласъ добросердечія, искренняго доброжелательства, котораго гласа я до сихъ поръ ни отъ кого, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, не слышу.

Дядюшка мой, по простотѣ сердца, говорилъ къ мѣстечку, да и женися! непослушался; такъ, теперь и безъ мѣстечка, да и не женатъ.

Дядюшкина свита, хотя и была странна; но, ежели вспомнить ихъ совѣты; то они спасительнѣе были всѣхъ совѣтовъ, которые я слышалъ послѣ отъ самыхъ высочайшихъ совѣтниковъ.

Сіи совѣтники дядюшкины, видя мое упорство, рѣшили: будь по твоему! ступай въ Университетъ доучиваться.

Извольте, матушки! Госпожи чиновницы, я вамъ напишу хоть сто просительныхъ писемъ; ступайте по домамъ! а вось!

Имѣя высокіе замыслы, гордость, которой во мнѣ осталось теперь еще фунтика съ полтара, имѣя высокоуміе, которое и до днесь надобно мѣрять не вершками и пядёнками, а, никакъ ужъ и цѣлыми сажонками, я непослушался; къ чему способствовала Акулина Савишна. Ежели бы я теперь встрѣтилъ Акулину Савишну; то, не побоясь грѣха, плюнулъ бы ей прямо въ ея глаза; и, сказалъ бы, глупая, высокомѣрная воспитанница! Воспитанница, знатнаго дома, ты, не имѣвшая, ничего, кромѣ титла: Воспитанница, ты меня съ ума свела; но уже мнѣ поздно; потому что за худые совѣты надобно льстить однимъ доброжелательствомъ. Акули-

на Савишна, нынѣ, кажется, почитать можетъ меня, въ сравненіи съ собою, divitior creso, хотя я и pavperior Iro; ибо изъ старинькаго фрака не выхожу.

Госпожи чиновницы, видя что я умѣю попысывать и складывать просительныя письмецы, лучше, нежели дядюшка Петровичъ, начали прибѣгать ко мнѣ; и, я, уважая ихъ благородіе, во всѣ стороны Москвы писалъ такія реляціи, которыя, читая ихъ Превосходительства и прочія персоны, по неволѣ отверзали свои бумажники. Въ этихъ ораторскихъ письмахъ я дѣлалъ приснодѣятелей наслѣдниками солнца и луны, или покрайнѣй мѣрѣ, обитателями Планетъ Небесныхъ. Да, оно такъ и выходило! Акулины Савишны, украшанныя чепчиками, взявъ отъ меня ораторскія возванія, къ вечеру приходили не съ

пустыми руками. Ихъ утренніе подвиги были всегда не вотще; къ вечерямъ собирались всѣ Савишны вкупѣ и воедино. Трапеза была общая; само по себѣ разумѣется, что я, Секретарь ихъ благородія засѣдалъ тутъ, думая, что поутру достанетъ ума и разума написать cles lettres suppliantes à tbutes les damcs Savisnoi; а эта Савиновишны разнесутъ просительныя увѣщанія отъ конца въ конецъ Москвы бѣлокаменной.

Въ такомъ находясь положеніи недѣли двѣ, я не примѣчалъ, что Ирина, сосѣдка моя на меня гнѣвается. Капотъ я положу на ночь къ себѣ подъ ноги; а къ полуночи очутится у ней на кроватѣ, сколько я ни простъ отъ природы; но догадался, что капотъ не можетъ тронуться съ мѣста самъ собою; ибо, разсуждалъ я, Баумейстеръ in Logica, Meta-

phisica, phisica, lucidissime dicit: Capite, paragraphe: Всё движется не само собою; ergo капотъ, res materealis et sine viribrs, не можетъ перейти съ моей кровати прямымъ прямёхунько на кровать сосѣдкину; другое дѣло, я; ибо и Баумеcтеръ lucidissime dicit: Cogito, ergo sum; слѣдственно я есмь вещь подвижная да и какъ же иначе, когда я не сплю; иное дѣло, когда сплю.

Баумейстеровы позиціи доказала мнѣ моя тетушка, которая, вставши по утру однажды, начала говорить: Грѣзится мнѣ, будто я поймала голубку съ голубемъ; и, такіе бытто бы голубки хорошинькіе, такіе смиренькіе, что и не слышно ихъ; пощупала будто я ихъ за головки; и, бытто голубка перестала ворковать; а голубокъ и улѣтѣлъ; ну, бытто, сказала я голубкѣ: кабы ощупала не

я тебя; такъ бы другой тебѣ и головку свернулъ.

Хотя сонъ петушкинъ и не важенъ былъ; но заключеніемъ сна было то, что я сталъ помышлять: пора къ мѣстечьку!

Къ какому бы къ мѣстечьку? Думалъ я самъ съ собой; а духъ ученаго высокомѣрія и прошепталъ: въ Университетъ!

Съ Пресненскихъ прудовъ дорога на Моховую прямая; а добрые люди и вразумили: Подай прошеніе! проэкзаменуйся!

Быть по сему! сказалъ я; экзаменъ, такъ экзаменъ! на свою Латынь я надѣялся твердо; сочинить, думалъ я, не поддамся! оно такъ и вышло; но Господа экзаменаторы, желая посмягчить мое высокомудріе школьническое, задали мнѣ квадратецъ и кубецъ.

Просвѣти, озари лучемъ, Твоея мудрости, Великій Боже, думалъ я; ни въ Фарѣ, ни въ Бурсѣ, ни въ Реторикѣ, ни въ Поэзіи, да и нигдѣ не слыхалъ я о сихъ кубицахъ и квадратахъ.

Достопочтенный Экзаменаторъ видя, что я не слишкомъ большой Астрономъ, перевернулъ доску на другой бочокъ, и сказалъ: Ait corvus, nigrum mutabo cé lorem. Hratias agimus! возопилъ я; а въ слѣдствіе чего другой Экзаменаторъ, будучи доволенъ моимъ латинщикомъ, сказалъ велегласно: Salutamus, т. е. Имрака студентомъ поздравляемъ.

Ну, братъ! сказалъ вышедши отъ Экзаменаторовъ мой товарищъ, такжe экзаменовавшійся; съ этими кубами не вдругъ справишься.

- Ничего! возразилъ я; мы не полеземъ далѣе нашей сферы; пусть до-

пскиваются квадратовъ тѣ коимъ, это нужно; намъ теперь нужно доискиваться другихъ корней, имянно: какъ бы умудриться: безъ отягощенія шепокъ и дядей прожить на квартиркахъ.

Премудро, и весьма премудро! премудро, вздумалъ ты, возопилъ собратъ мой Алексѣй; тѣтка моя дьяконница довно уже мнѣ глаза дерётъ, да какъ же это сдѣлать.

А, вотъ, какъ! отвѣчалъ я; провозгласимъ-ка мы себя учителями!

И то дѣло! подхватилъ Александрычъ; да мѣшаетъ одно: мы не иностранцы, а тобы учи, да поучивай!

Постой, братъ, сказалъ я, подумавши; не всё таки учатся по Нѣмецки, да по Французски; есть люди, которымъ надобно знать и то, чему насъ учили Префекты и Рэкторы; не всѣмъ нужны Нѣмцы пустельманы,

эти толсточреватые Иваны; не всѣмъ нужны Мусьи Бужерели; есть люди, которые захотятъ заглянуть и въ нашу Риторику, не отчаявайся!

Сказавши сіе рѣшительнымъ тономъ, я взглянулъ на одинъ домъ и увидѣлъ: Отдается въ наемъ комната. Пойдемъ-ка, братъ Алексѣй Александрычь, сказалъ я своему пріятелю, посмотримъ квартиру; давай-ка заводиться сами домашнимъ бытомъ; давай-ка сами себѣ доставать на содержаніе. Да, вѣдь это дьячьковъ домъ! сказалъ сурово мой пріятель. А, тѣмъ то и лучше! подхватилъ я; сами кутейкины; слѣдовательно живи, да поживай. Вмѣстѣ будемъ попѣвать Стихиры и Ермосы; вмѣстѣ, дружокъ, будемъ бесѣдовать о деревенскихъ нашихъ дядяхъ и теткахъ, о пономарицахъ и дьячихахъ. Такъ! вмѣстѣ будемъ повторять гласы изъ

Октопха. Ежели у сего дьячка такой же громогласной органъ, какъ у моего дядюшки, дьячка Якова Васильевича; то да возрадуется душа наша! О! я знаю, какъ Яковъ Васильичъ на поминкахъ, глядя на столъ уставленный яствомъ и питіемъ, помню, какъ онъ умильно воспѣвалъ; зряще мя безгласна и бездыханна! такъ! я видалъ его послѣ сего и безгласна и бездыханна; я всё это помню; и, съ веселіемъ взошелъ на лѣстницу.

Мутные глаза его дьячества устремились на насъ, когда взошли мы; но, благочестивый дьячекъ былъ такъ слабъ, что руки его дрожали. Такъ и есть! подумалъ я, сей служитель церкви вчерась былъ на поминкахъ. Мы посмотрѣли комнату, увидѣли, что помѣстимся оба; да, сказать правду, помѣщать то было нечего. Я говорилъ передъ дьячкомъ

такъ витіевато, такъ искусно, что дьячекъ, покачивая своей головой, сказалъ: такъ, и вы были въ Семинаріи? Ахъ! эта Семинарія! не сами; такъ, дѣти въ Семинаріи. Ужъ, на одинъ конецъ, сказали бы, да какъ отрѣзали: куда сына готовишь? я бы просто запросто сказалъ: въ понамари! чему бы тутъ и учиться; мудрость не велика, взять въ руку веревку отъ большаго колокола, отъ малыхъ колоколовъ веревку прицѣпить на одну палку, уцѣпиться за нее ногами, да, и перебирай и руками и ногами; вотъ, и звонъ! такъ, нѣтъ! Поди сперва въ школу! такъ оно; не худо иногда намѣкнуть, что былъ въ школѣ, напримѣръ, я былъ въ Бурсѣ. Такъ, помню: Mensa, mensae, авла, авлае; да вѣдь квавтира десять рублей въ мѣсяцъ. Это дорого сказали мы и ушли.

Мы взошли и увидѣли семейнаго человѣка за работою сидящаго. Это былъ бѣдной Московской ремесленникъ, которой обглядѣлъ насъ съ ногъ до головы, показалъ намъ комнату. Крайняя цѣна, Господа, сказалъ онъ восемь рублей. Melior et lucidior, quam apud ecclesiasticum! возгласилъ Александровичъ, bene et tranqvi lliter trahamus hic vitam: Мы дали задатку; и лишь только хотѣли выдти, какъ двѣ красавицы, также взошли посмотрѣть комнату сію. Поглядѣвши комнату, спросили хозяина объ цѣнѣ, хозяинъ отвѣчалъ, что стоитъ только 8 рублей; но что уже отдана, вотъ, этимъ Господамъ, указывая на насъ. Красавицамъ такъ полюбилась комната, что онѣ предлагали ему даже до пятнадцати рублей. Сударыни! сказалъ хозяинъ; ежели бы вы давали двадцать; то я и тогда бы

не согласился измѣнить своего слова. Что отдано, такъ отдано. Красавицы вышли, а хозяинъ продолжалъ: Господа! пятидесяти рублей не возму съ нихъ. Съ этими жильцами самой и честной человѣкъ вскружится; посудите, по вечеру на бульварѣ, ночью придутъ братья да сваты, кумы да благодѣтели. Я стыда то не возьму на свою голову, когда станутъ говорить: у портнаго Соловьева живутъ дѣвки! что сказано въ притчахъ Соломоновыхъ? прикасайся смолѣ очернится.

Козиха и Сретенка заняты веселыми Гражданками; не сходить ли навѣстить ихъ?

Признаюсь, покойно намъ было на квартирѣ. Однажды Алексѣй Александровичъ повалился на своей кро-

вашкѣ, началъ говорить: что я тебѣ хочу сказать? Пустка, братъ, спросилъ я; ты какъ Философъ, я думаю, примемся за разсужденіе о безсмертіи души. Ни чуть не бывало! отвѣчалъ мой пріятель; а я думаю, вотъ, что: Люди странствуютъ по Иностранныхъ землямъ, развѣдываютъ характеры человѣческія, разбираютъ, судятъ о нравахъ цѣлыхъ націй, испытываютъ произведенія натуры, усиливаются, домогаются до открытій, бесѣдуютъ съ ученнѣйшими мужами всего міра и разспространяютъ кругъ своихъ познаній; что же мы дѣлаемъ съ собою? Жили мы въ стѣнахъ монастырскихъ, не видали, такъ сказать, свѣта Божьяго. Ну такъ нѣчто я; я учился здѣсь въ Москвѣ; по набрался кой чего, по навидался, по наслушался; ну, ты что видѣлъ, что слышалъ въ захолустьѣ у Тро-

цы въ Лаврѣ? Да, я думаю тамъ, какъ вы увидитѣ барскую карету, такъ и глаза выпучите; а какъ удастся взглянуть на барина съ звѣздами; такъ разговоровъ будетъ на цѣлую недѣлю. Нѣтъ, братъ: я всего здѣсь понаглядѣлся; ну, да тебѣ и какъ знать то, что я знаю! живешъ въ монастырѣ, видишь однихъ монаховъ; выдешь за монастырь, видишъ какихъ нибудь оборваныхъ мѣщанъ; пріѣдешь на ваканцію къ отцу; тамъ уже и говорить нечего; мужикъ да мужикъ; нѣтъ, братъ здѣсь не то! есть чему понаучиться, есть чего понабраться, да, и тутъ всё мало, когда подумаемъ о путешествіяхъ, совершаемыхъ другими въ страны отдаленныя.

Не задумалъ ли, братъ, и ты путешествовать? Возкликнулъ я также поваливаясь на своей кроваткѣ; чего добраго! да, вотъ, что бѣда:

денегъ то у насъ съ тобой меньше гроша; а безъ денегъ, не знаю, путешествуютъ ли нынѣ люди. Впрочемъ я не знаю, можетъ быть, путешественниковъ вездѣ даромъ и поятъ и кормятъ.

Оно такъ! безъ денегъ не льзя, подхватилъ Александрычь; да охота то большая! а я выдумалъ и средство.

Шутка какое? скажи, братъ пожалуста, возклнкнулъ я; чай мудреное, премудреное?

Такъ просто, что простѣе и быть не льзя! отвѣтствовалъ Александрычь; слушай! мы теперь живемъ въ Тверской часши; представимъ, что это Россія; представимъ, что уже мы въ ней довольно пожили; представимъ, что мы хотимъ путешествовать, напримѣръ: въ Парижъ; давай-ка карту! съ симъ словомъ снялъ онъ

со стѣны карту и началъ разсматривать: вотъ, это Россія; ну, это Никитская, гдѣ наша и квартира. Теперь поѣдемъ мы чрезъ Пруссію, а изъ Пруссіи чрезъ Австрію т. е. поживемъ въ Пречистенской, яко въ Пруссіи, въ Хамовнической, яко въ Австріи; и такъ переѣзжая изъ Части въ Часть будемъ представлять, что мы путешествуемъ по всей Европѣ.

Очень хорошо! подхватилъ я; мы странствуя по Москвѣ увидимъ различныя обычаи; переберемся жить даже за Москву рѣку, гдѣ по большой части обитаетъ знаменитое наше купечество. О другъ! какъ же ты, страстной охотникъ до табаку, какъ же ты будешь жить въ Рогожской и въ Преображенскомъ, гдѣ обитаютъ старовѣрцы? Какимъ образомъ ты при нихъ будешь открывать свою табакерку? Какимъ образомъ будетъ

ты держать во рту трубку и пускать надъ главою своею клубки дыма? Въ какомъ царствѣ ты будешъ воображать себя живущимъ? Начиная отъ горъ Уральскихъ до самаго устья того впадающаго въ Западный Океанъ, всѣ обитатели курятъ табакъ и нюхаютъ: какимъ же владѣніемъ назовешъ ты этихъ долгобрадатыхъ, которые табаку болѣе, какъ черти ладану?

А это то и хорошо! подхватилъ пріятель; мы будемъ представлять себя переѣхавшими къ дикимъ Американцамъ, или къ Горцамъ на Кавказъ, которые покланяются Макуку, обладателю Небеснаго и поднебеснаго и кукаму, обладателю преисподней, гдѣ самый сильный огонь производитъ не проницаемый мракъ и нестерпимую стужу. Мы представимъ, что мы живемъ у Горцевъ, которые Макука

представляютъ въ видѣ человѣка съ козлиною бородою, съ синими глазами прыгающаго на пятушьихъ ногахъ, а кукама въ видѣ огромной лягушки со змѣинымъ хвостомъ и бычачьими рогами, сидящей верхомъ на слѣпнѣ. Мы представимъ, что ихъ распопы ни что иное, какъ въ табетѣ Далай-Ламы, Астраханскіе Муфтіи и Муллы Казанскіе, увѣщевающіе, что Магометъ есть братъ Солнца а а дядя Луны, и что онъ Луну носитъ въ рукавѣ. Прелюбезный другъ! Тверская и Никитская занята Высоковельможными, Замоскворѣчье Купечествомъ; Пресня, Хамовники, Пречистенка Приказною братіею, краишки Москвы Ремесленниками, Бутырки. Наборщиками и батырщиками Типографскими, Кузнецкой мостъ Иностранцами, Козиха и Срѣтенка занята веселыми Гражданками; словомъ

сказать, перемѣнивши двадцать квартиръ, мы узнаемъ болѣе, нежели путешествователи, батюшкины дѣтки, посылаемые не для испытанія полезнаго, но для того, чтобъ дѣтки могли свободно говорить и разсказывать, гдѣ какая колокольня, какъ она высока, какой выкрашена краскою, и тому подобное.

Я удивился высокой мудрости моего пріятеля; но планъ нашъ разстроился; я рѣшился на самое отважное дѣло — сказаться больнымъ и уѣхать верстъ за четыреста за деньгами! т. е. принять должность домашняго учителя; ибо я замѣтилъ, что сапоги и рубашка донашиваются.

Шутка ли дѣло! я кончалой студентъ, а къ ставцу лицомъ сѣсть не умѣю.

Надобно мнѣ было прежде увѣдомить читателя, что я невидывалъ

у себя вдругъ двадцати рублей; но семи сотъ, за которыя я согласился, невидывалъ и у другихъ въ рукахъ. Я получилъ впередъ сто семьдесятъ пять рублей ассигнаціями. Это было дѣло въ святки; но, какъ ни велика ночь; однако я ни на четверть часа не могъ сомкнуть глазъ своихъ. Куда мнѣ дѣвать деньги? думалъ, я вдругъ ли такую истратишъ махину? Забывая, что на мнѣ висѣли одни лоскутки. Дѣльно! разсуждалъ я, завтрѣ Воскресенье; чѣмъ свѣтъ, надобно размѣнять эти бѣленькія бумажки прямо на серебро; а тамъ погляжу, что будетъ. Занимаясь усладительными помышленіями, я ропталъ, что не скоро ночь проходитъ. Ужъ и къ заутренѣ въ Соборѣ, сказала зевая и потягивалась моя тетушка, у которой я тогда ночевалъ. Слава тебѣ Господи! сказалъ я; но чѣмъ бы идти

въ церковь, окаянный духъ сребролюбія нашептывалъ мнѣ, не ходи, братъ, нѣтъ! приляг., да подумай о своихъ денежкахъ; смотри, у барь часы въ карманахъ; надобно и тебѣ; да по красивѣе купи на шею платокъ смотри по пестрѣе, а картузъ съ заломцемъ; а къ часамъ, смотри, купи цѣпочку посвѣтлѣе.

Злой Асмодей нашептывал мнѣ о цѣпочкахъ и непомянулъ о прикрытіи своего тѣла; не сказалъ: купи-ка, братъ, сперва шубенку, сапоги; нѣтъ! хоть гололой ходи; а, чтобъ часы съ цѣпочкою были! Съ сего для меня ужаснаго часа, этотъ Асмодей и до сихъ поръ не отстаетъ отъ меня. Разными ухищреніями дѣлаетъ такія несносныя пакости, что онъ то окаянной причиною всѣхъ моихъ бѣдъ и напастей.

Лишь только я вышелъ со двора, какъ этотъ окаянной и подослалъ ко мнѣ такова мошенника Московскаго, котораго я и до сихъ поръ не забываю. Этотъ окоянной Асмодей внушая, что у меня въ карманѣ 115 рублей такую на меня навязалъ спѣсь, что, не смотря на свое ничтожное рубище, изъ за Преснецкихъ прудовъ шелъ я надувшись, показывая, что я не простая особа. Я защѣпялъ и встрѣшнаго и поперешнаго разными вопросами, стараясь завлечь всякаго въ разговоръ, дабы показать, что я изъ ученыхъ. Несомненнымъ же сему доказательствомъ приводилъ то, что я принятъ учителемъ съ платою по 700 рублей.

Шутка ли дѣло! возопилъ одинъ человѣкъ идущій со мною; семь сотъ рублей. Спало быть за умъ, да и разумъ! да ужъ не даромъ же дадутъ

денежки! возклнкнулъ я; поучился, браиъ всему. Неушто и по Французски? вопросилъ съ удивленіемъ незнакомецъ. Гмъ! по Нѣмецки, по Латынѣ, Философіи, Богословіи, Исторіи, Географіи, Риторикѣ, Поэзіи, да мало ли чему! подхватилъ я съ неслыханнымъ самохвальствомъ; ужъ, вы кончалой ли студентъ? подхватилъ съ большимъ удивленіемъ незнакомецъ. Да, да, да! воскликнулъ я.

Незнакомецъ снялъ шляпу, остановился устремилъ на меня внимательные взоры, наконецъ возопилъ: О дарованія! О Божественныя науки! О прилѣжаніе! О щастливые родители! О благополучные родственники! О треблаженныя друзи и пріятели! Треблаженно, треправѣдно племя, яко узрѣлъ Еси Господи на смиреніе рабовъ своихъ, пославъ въ лицѣ Вашемъ имъ утѣшителя въ ста-

рости, помощника въ совѣтахъ и начинаніяхъ, утѣшителя въ бѣдствіяхъ; О Главо златая! О устнѣ мироточивыя! О разума и смысла веліяго! О сокровище міра! Искушаешися, яко златъ въ горнилѣ; но неподобаетъ много глаголати; недостоинъ-бо азъ. Еда опочію отъ удивленія! Возрадовася духъ мой. Се! нынѣ седмь сопъ; какую же мзду пріимеши, егда скончаеши въ семь Царствующемъ Градѣ, яко лѣтъ двадесятъ сіи чертози наслѣдиши яко Израиль землю обѣтованную.

Слыша сего многоглаголиваго спутника, я осклаблялся отъ умиленія. Ежели бы тогда посмотрѣлъ на меня безпристрастной человѣкъ; то изъ одной удыбки моей знатную бы можно сдѣлать каррикатуру. Смѣсь незнанія свѣтскаго обращенія съ самохвальствомъ изображалась на чалѣ моемъ.

Препочтеннѣйшій спутникъ! началъ я говорить, мнѣ нынѣшній день надобно хорошенько прирядиться, ш. е. накупить всего того, что нужно для показанія себѣ въ свѣтѣ.

И непремѣнно! возклнкнулъ совѣтникъ мой; тогда, т. е. тогда, когда ваша высокая ученость облечется въ ризы испещренныя, возложишъ на главу свою препящной стмѣнности Галлеру, шелкошвейную срачицу, а на нозѣ воздѣиша сандалія, сирѣчь, сапоги опойковыя, и велелѣпсипвуя украсишися злато-среброгорящими часами, тогда и возсядеши между Князи и Владыки земными.

Да, дѣло то, вотъ, въ чемъ! возразилъ я; одинъ покупать боюсь, ошибѣшся.

О глава премудрая! О глава предусмотрительная! созерцающая будущее, разсторгающая сѣти козней

діавольскихъ и ухищренiи человѣческихъ, а умъ доблественный! Но не пецыся; зри, мужъ напитанный многословiя книжнаго, зри мя, единаго отъ племени Левитова; зри, яко же самъ себѣ. Отъ чрева матерня есмь пономарь, хотя и отставленъ есмь. Зри не лицемѣрнаго, которой наставитъ тя и вразумитъ, да не како преткнеши ногу твою о камень злокозненности человѣковъ.

Видя предложенiя сего благорасположеннаго человѣка, я умилялся душею и сказалъ: препочтенiйшiй! Зайдем-ка сперва въ трактиръ; время холодное; выпьемъ по чашечкѣ чайку; а, потомъ, ежели тебѣ есть время; то услужи мнѣ, вопервыхъ размѣнять на серебро бумажки, потомъ купить часики, и прочая и прочiя. Естьли у тебя время то?

О умъ преестественный! возмогу ли отказать не только во время, но ни въ чемъ, тебѣ, главѣ любознательной. Очи мои не видѣста, отнелѣ же рожденъ есмь, ни толикія лѣпоты вѣдѣнія, ни толика смысла во всѣхъ человѣцѣхъ.

Говоря сіе, яко руководитель; и повелъ меня прямо въ трактиръ, гдѣ, возсѣдши началъ приказывать по хозяйски.

Батюшки мои! ужъ и въ меня влюбились? да какъ и не влюбиться? часы купилъ въ два рубли серебромъ!

Когда поставили предъ нами чай; то я замѣтилъ, что спутникъ мой, не большой охотникъ до чаю; я примѣтилъ, что и безъ моего приказу подали ему стаканъ по его нарѣчію: горькаго. Тогда то вполнѣ разверлись уста его! тогда то я услышалъ краснорѣчіе отъ чувствъ души изливаю-

щееся. О владыко Всемогущій! началъ говорить онъ; доколѣ не снидетъ огнь и не попалитъ беззаконнующія? оле невѣденія! оле слѣпоты! оле сармоты! обаятели, чародѣи оболкаху мя предъ лицемъ Архіереевымъ, и возвѣдоша на мя: яко бы я упиваюсь виномъ, яко бы есмь тать и мужъ буй; но внемли мужъ премудрой, или, лучше сказать, настоящая Соломонова Голова, внемли: тать ли есмь азъ, когда обуреваемы житейскими страстями, руцѣ мои изимоша изъ церьковной кружки себѣ піяница ли есмь азъ, егда цѣла была лошадь и корова? буй ли мужъ бѣкъ, егда нашего священника не ударилъ я кадиломъ, когда онъ, при всѣмъ мірѣ, обезчестилъ меня изрѣкши: не то читаешъ! такъ нѣтъ! оклевѣтали невиннаго и изгнаша изъ среды чадъ Левиныхъ.

Занимаясь болѣе покупками, нежели вниманіемъ въ смыслъ его разговоровъ, я радовался что нашелъ себѣ помощника; а онъ уже радовался, что нашолъ простоумнаго! Онъ попивалъ на мой щотъ; а я и вытащилъ изъ пазухи бумашки; и развернувши ихъ, сказаль: надобно размѣнять! непремѣнно! непремѣнно! возкликнулъ онъ отъ возхищенія и удивленія, что я и въ самомъ дѣлѣ не безъ денегъ.

Иванъ Петровичь лишенный дьячества дьячокъ, совѣтникъ мой, увидѣлъ, что я въ денгахъ щоту не знаю. Онъ уразумѣлъ, когда я получая здачу съ 25-ть рублей ассигнаціи, сказалъ трактирщику: другъ мой! восемьдесятьпять копѣекъ лишнихъ, и когда трактирщихъ отвѣчаль: точно такъ! это, вотъ, почему: я полагалъ, что при размѣнѣ ассигна-

цій должно платить по три копѣйки съ рубля самаму, а не мнѣ получать. Я не зналъ, что такое лажъ. Молчите, сударь, сказалъ таинственно Иванъ Петровичь; они грабители, такъ эта ошибка для насъ ничего Петровичь уразумѣлъ, что при размѣнѣ всѣхъ ста семидесяти рублей; отъ каждаго рубля ему будетъ барыша по 3 копѣйки на рубль не донять да по три лажу перенять; слѣдственно, по 6-ти съ рубля; слѣдственно 10 р. 50 к. Оно такъ и вышло.

У меня есть знакоминькой мѣйяла, сказалъ Иванъ Петровичь вышедши изъ трактира; онъ сей часъ намъ размѣняетъ хоть тысячу рублей; и повелъ меня на площадь къ знакоминькому. Не доводя сажени двѣ до знакоминькаго, почтенный Петровичь остановилъ меня. Я потолкую сперва, сказалъ онъ; да и потолковалъ; а

вѣроятно сказалъ: Это ратозей! ты бери съ него лажъ, а не ему давай; — добыча пополамъ.

Мѣняла, увидя, что и я подошелъ, привсталъ; и, увидя ассигнаціи, началъ щитать серебро. Помелче; братъ, давай! кричалъ Петровичъ; и въ самомъ дѣлѣ онъ такихъ мнѣ насовалъ мѣлкихъ, что пятикопѣшнички клалъ за гривеннички.

Увидя у себя цѣлой узелъ серебра, я возопилъ велегласно: часики бы теперь! сей часъ пойдемъ! возкликнулъ Петровичъ. Мѣняла, видя, что Петровичъ хочетъ пользоваться и у моихъ часиковъ, мигалъ мнѣ, кивалъ, головою, кашлялъ, давая знать, чтобъ я къ нему зашелъ послѣ безъ Петровича; но я, щупая серебро, не видалъ и не слыхалъ ничего, кромѣ гласа Петровичева: пойдемъ!

Да, вотъ часы! сказалъ я указывая на разнощика. Нѣтъ! отвѣчалъ Петровичь, поищемъ знакоминькаго; знатныя есть часики! Ну, ка, братища, давай часики, возгласилъ онъ, увидя знакоминькаго. Да я ужъ и съ цѣпочками продамъ барину, сказалъ знакоминькой; извѣстно, подхватилъ Петровичь. Знакоминькой началъ вертѣть часы, цѣпочки съ камушками. Такъ и блестятъ! говорилъ Петровичь; да цѣна то что? спросилъ онъ; безъ обиды 60 рублей за все. А не хочешъ взять сорока! возразилъ съ гнѣвомъ Петровичь; еще по знакомству; право!

Видя усердіе Петровича и его рѣшительное: сорокъ, подалъ я часопродавателю десять рублей серебромъ; а Петровичь, украшая ими меня, говорилъ: теперь бы брючьки!

Пойдемте-ка теперь со мной! сказалъ Петровичь, и я съ своей стороны угощу васъ, да и покажу диковинку.

Будучи отмѣнно веселъ, я пошелъ за Петровичемъ, которой меня и ввелъ къ себѣ въ квартиру. Описывать квартиру изгнаннаго изъ среды духовенства дьячка, будетъ излишнее. Петровичь ничего не говоря, мигнулъ своей хозяюшкѣ, которая поспѣшила самоваръ. Петровичь не поскупился и водочкой; отъ чего у меня мысли сдѣлались веселѣе обыкновеннаго. Вдругъ услышалъ я въ маленькой коморочкѣ тоненькой женской голосочикъ. Незнакомка пѣла пѣсенку.

Сказали про милова,
Бутто не живъ, не здоровъ;
А нынче милинькой,
Вдоль по улицѣ прошелъ.

Шибко, громко милинькой
Громко пѣсни просвисталъ:
Охъ! спишъ ли ты душинька;
Или такъ съ горя лежишь?
Не сплю, не сплю милинькой;
Я не такъ съ горя лежу;
По тебѣ, голубчикъ мой,
Плачу день ужь и и ночь;
Дожидаюсь, милой мой,
Я нещастная тебя.
Во тоскѣ, кручинушкѣ
Горючи слезы текутъ;
Разставаяся съ тобой!
Отъѣзжаешъ, милой мой,
На чужую сторону;
Оставляешъ бѣдную
Сиротиной горькою.
Вспомни, вспомни, милый мой
Меня бѣдную и тамъ;
И тамъ вспомни бѣдную,
Гдѣ съ тобой мнѣ не бывать.
Разлучаетъ, горькую

Чужа дальня сторона
Не она! онъ! разлучаетъ насъ,
Разлучаетъ злое время насъ;
Разлучаетъ судьба строгая
Ну, прощайже мой любезной другъ.

Слезы у меня полились! первыя впечатленія любви пробудились въ душѣ моей. Я вспомнилъ прелести деревенской жизни; вспомнилъ цвѣтущія поля и луга, которыя промѣнялъ я на мѣчты воображенія. Вспомнилъ пляски деревенскихъ дѣвушекъ, не притворныхъ, неиспорченныхъ красавицъ. Я переносился мыслію вы прелестныя лѣсочки и перелѣсочки, на цвѣтущіе луга, гдѣ я возхищался сельскою природою, гдѣ я мѣчталъ о блаженствѣ; но увы! я его и доселѣ почитаю мѣчтою.

Невольнымъ образомъ взошелъ въ малинькую комнату пѣвицы. Я ви-

дѣлъ текущія ея слезы; черты лица ея совсѣмъ не походили на черты Московскихъ вѣтреницъ, ибо она только что пріѣхала въ Москву. Я видѣлъ ее прежде во Владимірѣ, я узналъ ее и она узнала меня. Александръ Анфимовичь! сказала она; я здѣсь въ Москвѣ только живу недѣлю; а у Ивана Петровича только со вчерашняго дня; но, завтрѣ меня здѣсь на квартирѣ не будетъ. Бѣгите изъ этаго дома, бѣгите отъ этихъ гнусныхъ людей, бѣгите отъ этихъ крокодиловъ, отъ этихъ Аскадовъ, удалитесь немедленно изъ вертепа разврата, разбоя, изъ обиталища всѣхъ пороковъ. Господи, Боже мой! Эти извѣрги мужъ съ женою ни что иное суть какъ пристаносодержатели, укрыватели безпутства. Въ другой комнаткѣ живутъ у него двѣ нещастныя жертвы разпутства; ихъ теперь

нѣтъ. Эти извѣрги въ первую ночь, какъ я къ нимъ перѣхала, эти извѣрги предложили мнѣ постыдное ремесло; будучи здѣсь совсѣмъ ничего незнающею, не знаю, гдѣ мнѣ пріискать квартиру, чтобъ скорѣе разстаться съ этими людьми ненавистными. Но зачѣмъ ты сюда пріѣхала? спросилъ я. За тѣмъ, отвѣчала Наталья Секритовна, чтобъ отыскать нещастнаго своего жениха, которой, когда былъ богатъ, былъ любезенъ, для моихъ родственниковъ; но, когда, по ихъ же милости, раззорился; то ему, сами же меня сосватавъ, въ рукѣ моей отказали. Но, не смотря на нынѣшнее ожество моего жениха, не смотря орство родственниковъ, опекухъ, ограбившихъ меня спроженою того, которому я о вѣрностію. Но, вы дома. Сей часъ раз-

казывалъ этотъ негодяй Петровъ женѣ своей, что платье, которое вы купили, не стоитъ и сорока рублей; поглядите хорошенько. Я взглянулъ на брюки; и, увидѣлъ, что они разпалзываются такъ, что видно тѣло. Посмотрите на вашу волчью шубу; она скроена изъ ремешковъ; а сукно чуть липить; потому что верхъ составленъ изъ лоскутковъ вмѣстѣ собранныхъ и подкрашенныхъ; черезъ три дня сіи лоскутки примутъ такой цвѣтъ, какой они имѣли; и тогда вы будете похожи чисто, ежели не на Балакирева; покрайнѣй мѣрѣ на очень хорошаго шута; а въ брюкахъ, дай Господи вамъ дойти до дому. Я взглянулъ на сорокарублевые часы; а они не ходятъ. Видите, гов[illegible] Секритовна, часы не стоят[illegible] ти рублей. А цѣпочка [illegible] ками полиняютъ завтр[illegible]

это мѣдное; поглядите на сапоги; подошвы не пришиты а прилѣплены смолою; я не знаю, какъ вы дойдете до дому. Вамъ теперь обошлось всё около 120 рублей; а всё не стоитъ и съ часами и сорока. Ежели сей часъ всё отнести къ этимъ же мошенникамъ, которые вамъ продавали; то напроситесь и 25 рублей. Покрайнѣй мѣрѣ я такъ слышала отъ нихъ извѣрговъ мужа съ женою. Я слышала, какъ они васъ называли дуракомъ; также Петровъ сказывалъ о промѣнѣ бумажекъ; но коротко скажу; Петровъ получалъ отъ бездѣльниковъ половину. Вотъ, жена, говоритъ Петровъ, отдавая деньги женѣ; по нашь вѣкъ дураковъ будетъ! у него осталось рублей около ; надобно поддѣть! теперь васъ будутъ стараться; подведутъ къ

вамъ распутную дѣвку; а тогда, милостивый Государь, тогда въ карманѣ не останется у васъ ни пяти рублей! воспользуйтесь же моими совѣтами.

Учитель спитъ; а барской дитятко завертывается въ одѣяльцо. Знатные успѣхи!

Но кто это Петровъ? спросилъ я съ удивленіемъ человѣкъ, котораго скоро правосудное Правительство накажетъ по достоянію. Этаго бездѣльника лишили духовнаго сана за пьянство, буйство и за намѣреніе обокрасть церьковь. Онъ теперь написалъ себѣ фальшивое позволеніе: ходить по городу съ кружкой, собирать, будто бы, на украшеніе храма Господня; и благочестивые Хри
нѣ легко обманываются. Н
ныя деньги они съ жен
вечеръ пьянствуютъ.

не ходилъ съ кружкой; то причиною этому вы; потому что онъ увидѣлъ, что отъ васъ больше будетъ прибыли.

Когда мнѣ разказывала о этихъ проклятыхъ Секритовна; вдругъ, взошедши двѣ полупьяныя женщины запѣли:

Не бѣлы то снѣги
Снѣги во чистомъ полѣ,
Полѣ забѣлѣлись;
Забѣлѣлись у моего любезнаго
Каменны палаты.

Подите, сдѣлайте одолженіе отъ меня, сказала Секритовна; потому что я всегда запираюсь, когда эти негодныя приходятъ.

Когда я вышелъ изъ комнатки; то Петровъ успѣлъ уже дать знакъ одной изъ негодяекъ, чтобъ приняли меня Поласковѣе; успѣлъ сказать, какъ меня зовутъ и сколько уменя денегъ.

Санячка! другъ мой! вскричала одна и бросилась ко мнѣ на шею; я тебя давиче видѣла.

Петровъ покашливалъ и не сумневался въ удачѣ; признаюсь, ежели бы не предупредила меня Секритовна; то, по не опытности и глупости, я не удержался бы чтобъ тутъ не по празнечать. Но, какъ отвязаться? какъ вдругъ сказать прощайте!

О политика! политика! сказалъ Я самъ въ себѣ; приди ко мнѣ на помощь. Заткнуть ли мнѣ уши отъ сладостнаго пѣнія сихъ новыхъ сиренъ, какъ затыкалъ уши отъ старыхъ древній улиссъ? бѣжать ли мнѣ опромѣтью изъ квартиры Петровича, какъ бѣжалъ Телемакъ съ острова Пафоса? нѣтъ! думалъ я это не старинные вѣки; дай умудрюсь, дай ухитрюсь; а потому принявъ чашу съ пивомъ и возвысивъ ее вверхъ, возгласилъ:

Прелюбезнѣйшій Иванъ Петровичь! отрожденное чадо сыйовъ Левіиныхъ да воздастъ тебѣ Господь за вся благая твоя за всѣ твои обо мнѣ хлопоты въ день сей. Но чѣмъ могу возблагодарить тебя, друга сердешнаго? нѣтъ! словами не возможно; возможно благодарить самымъ дѣломъ. Да воз—играемъ день сей радостію велѣю; сіи благолѣпныя дѣвы да воспляшутъ; зане искусенъ есмь на скрипицѣхъ бряцати.

А я подъ играю и на гитаркѣ, воскликнула одна изъ двухъ, и вытащила изъ опочивальни гитару.

Но нетеперь прелѣстная, нѣтъ! возгласилъ я; зане я сей часъ побѣгу за скрипицей. Обаче, да не вотще будутъ словеса моя; се! во ожиданіи меня ровнымъ ровнехинько четвертакъ; а на что онъ будетъ годиться-сами о семъ помыслите.

Сказавши сіе, я вынулъ четвертакъ, взялъ шляпу и стрѣлою бросился изъ ненавистнаго убѣжища безпутство.

Гдѣ ты доселѣ шатался? спросилъ меня Алексѣй Александровичъ, не знавши, что я получилъ деньги; да что это, братъ, у тебя и обновы?

Худы ли, хороши ли, но всѣ обновы! отвѣчалъ я съ горестію.

Вижу, сказалъ Александрычъ; гдѣ нибудь досталъ рубликовъ сорокъ; хотъ всѣ и худенько; но получше стараго; часы одни стоятъ целковинькихъ двухъ; одного серебра золотниковъ восемь; лутръ ничего не стоитъ; только у брюкъ надобно въ шагу зашить; да нѣтъ! сукно ползетъ.

Пріятель! сказалъ я, это стоитъ мнѣ сто двадцать рублей!

Когда Алексѣй Александровичъ стоялъ въ изумленіи; я ему объявилъ

что я ѣду изъ Москвы; почему и взялъ деньги въ задатокъ.

А Университетъ какъ? спросилъ съ удивленіемъ Александрычь.

Какъ хочетъ! отвѣчалъ равнодушно я; голодному и холодному не пойдутъ всѣ насвѣтѣ лекціи, хотя бы ихъ преподавала сама Минерва боленъ да и только! ты видѣлъ, что у меня изъ сапаговъ торчатъ пальцы, видѣлъ, какъ я дрожалъ подъ разстерзаннымъ фризовымъ капотомъ. Учись тотъ, у котораго обезпеченъ желудокъ и всё тѣло; а я буду учиться тогда когда увижу же себѣ хоть лоскутъ платья; когда приходя въ квартиру не лягу на постель не ѣвши; когда будетъ у меня достаточно бумаги чтобъ списать Лекцію, а то, нѣтъ, братъ; дѣло плохое учится босому и нагому, холодному и голодному. Хорошо учить-

ся тѣмъ, которые въ Университетъ пріѣдутъ въ каретахъ; а пріѣдутъ домой не только къ сытному, но даже къ тучному обѣду; хорошо имъ потряхивать на себѣ капоты ста съ два, да шубы сотъ въ шесть; хорошо имъ у Бажанова, въ кофейнѣ сидѣть за кофѣемъ со сливками и разговаривать о дядюшкахъ Графахъ, о батюшкахъ Генералахъ тогда, когда у насъ нѣтъ и чорствaго хлѣба, когда не имѣемъ ни покрова, ни защиты. Посидѣвши въ Университетѣ года три эти Господа вдругъ сядутъ на судейскіе стулья; а мы въ эти же Присутственныя мѣста пойдемъ же въ Копеисты и Канцеляристы т: е: что онъ напишетъ глупо на черно, то мы должны переписывать умно на бѣлъ. Наживши хоть сто рублей наличныхъ, я явлюсь въ Университетъ; и ежели, по нещастію узнаютъ, что

что я не боленъ; то предъ глазами всей Конфермаціи показывал свой новой капотъ и новые сапоги, разсыплю цѣлковыхъ тритцать по столу и скажу: виноватъ! вотъ, зачѣмъ я не ходилъ въ Университетъ Алексѣй Александровичь! тотъ, что сказалъ что бѣдность есть мать добродѣтелей, не собрался съ умомъ хорошенько; не напротивъ ли, другъ сердешной? чортъ ли бы теперь, прости меня Господи, понесъ верстъ за четыреста слишкомъ, оставивъ лекціи, ежели бы не проклятая нужда выгоняла изъ Москвы? Само собою разумѣется, что этими удаленіями отбиваемся мы отъ своей цѣли; но что же дѣлать! какой добродѣтельной Профессоръ, чувствовавши самъ нужду, не извинитъ насъ? Да мы и теперь часто ли посѣщаемъ лекціи въ недѣлю разъ пять! чѣмъ бы торопиться

за рублемъ, чтобъ было что ѣсть; чѣмъ бы слушать Бентамовы Требойсановъ; мы сами просвѣщаемъ болвановъ; чѣмъ бы разсматривать рѣшенія знаменитыхъ Юрискенсунтовъ; мы съ ребятами ладимъ Абецы, покон да арцы. Вотъ, тебѣ и матерь благоразумія, бѣдность. Вотъ, ты видишъ, носъ я утираю бумагой; она и выходитъ, бѣдность есть мать благоразумія: поберегать носовые платки! да по неволѣ и береженъ, ежели ихъ нѣтъ. Другъ мой! въ конференціи Профессоровъ найдутся еще люди, которые цѣпятъ не платье, а цѣпятъ головы, судятъ не преступленія, а обстоятельства. Бутто не знаютъ Профессоры, отъ чего мы манкируемъ? Нѣтъ, братъ! ей, Богу, имъ извѣстно, что мы спимъ не у Бажанова въ кофейной; не заспались, потому, поутру что по вечеру пробыли въ Теат-

рѣ и Маскерадѣ до полуночи; не провѣртелись на балу съ дамами! нѣтъ! знаютъ, что чѣмъ свѣтъ, по холодненькой матушкѣ зорюшкѣ отъ Никитскихъ воротъ ты въ Басманную, либо къ Симонову монастырю, а я либо въ Таганку, либо подъ Донской монастырь за — рублёмъ! Сіи достопочтенные твердо вѣдаютъ, что прилѣтевши въ барской домъ тогда, какъ еще не только Господа, да и слуги то лишь глаза продираютъ, смиренно садимся въ неметеной еще залѣ на не обтертой стулъ и слышимъ, какъ нянька и дятька, пробуждая брыкающагося барскаго дѣтенышка, шепчутъ: вставайте, сударь, учитель пришелъ; и какъ благополучный дѣтенышекъ, зарываясь въ одѣялы и покатываясь на пуховичкахъ, кричитъ благимъ матомъ: Чортъ ли его такъ носитъ рано, не вѣдая, что у Педа-

гога горло засохло. Знаютъ, братъ, достопочтенные Профессоры, какъ мы, не имѣя ни уголья, ни самовара, глядимъ съ восторгомъ на кипящіе самовары и дожидаемся — чашечки чайку; знаютъ они, что мы, не имѣя дома не только водки и хорошей закуски, не имѣемъ и щей; а потому снося всѣ грубости лешиваго барченочка, сидимъ ровнымъ ровно до 12 часовъ въ надѣждѣ услышать отъ глотающаго слюны лакѣя: Пожалуйте закусить? Знаютъ, братъ и то, съ какимъ восторгомъ мы дожидаемся окончанія билетовъ; съ какимъ нетерпѣніемъ дожидаемся того благодатнаго дня, когда мы скажемъ: нынѣ 10-й билетъ; нынѣ 20 рублей! Знаютъ, съ какимъ огорченіемъ слышимъ изъ устъ проворнаго ученика, желающаго поскорѣе выжить учителя: Папиньки дома нѣтъ! и съ какимъ

удовольствіемъ слышимъ изъ устъ сего же лѣниваго вѣдающаго, что, получа деньги, не станемъ дожидаться барскаго завтрака, а будемъ торопиться къ своему: Пожалуйте билеты! Вѣдаютъ достопочтенные Профессоры, съ какимъ поспѣшеніемъ и не внимательностію задаемъ мы уроки и лѣткомъ лѣтимъ не оглядываясь въ укромную квартиру, да даже забывая въ то время, естьли на свѣтѣ не только Московской, но хоть бы какой нибудь Университетъ. Сіи достопочтенные мужи, замѣчая на насъ перемѣнку платьица и саноговъ, ясно видятъ, что на канунѣ у насъ ровно исполнилось десять билетовъ. Повѣрь, другъ сердечной, всё знаютъ, знаютъ и то, отъ чего когда мы отвѣчаемъ дурно и съ видомъ пасмурнымъ, отъ чего иногда бодро и весело. Климатъ всегда одинъ, да обстоятель-

ства не однѣ; всё знаютъ; а потому и пущусь на волю Божію наша болѣзнь имъ извѣстно; простуды мы съ тобой пока еще не знаемъ, водяной и подагрѣ быть не отъ чего; потому что эти болѣзни приходятъ въ каменные палаты и къ тѣмъ, которые росли будучи всегда обернуты въ хлопочки. Прощай, братъ, Алексѣй Александрычь и не забывай своего друга Анфимовича, которой объ тебѣ нынѣшній день помнилъ угощая Ивана Петровича, одного достопочтеннаго изторгшагося изъ среды Левиѳовъ, по его глаголу, за оплошность: Недоломать совершенно сундукъ церковной. Онъ то мнѣ помогалъ выбирать и платье и часы; онъ то теперь дожидается меня со скрипкой вмѣстѣ съ прекрасными нимфами.

Пропали мундиры; ну! за чѣмъ ночуете не на своихъ квартирахъ; по дѣломъ!

Алексѣй Александровичь слушалъ меня внимательно; онъ ясно видѣлъ, что меня обманули; ясно видѣлъ и то, что я не хотѣлъ тужить о томъ, что меня обманули. Онъ зналъ, что я мало способенъ къ сильнымъ впечатлѣніямъ печали; а потому сказалъ: Плюнуть на все! да ты и въ самомъ дѣлѣ не хочешъ ли идти къ Петровичу.

Нѣтъ! дружище, отвѣчалъ я; у насъ будутъ свои шимпаны и гусли; давай-ка, братъ, позовемъ нашихъ пріятелей и воскликнемъ пѣсни радованія. Богъ знаетъ, сколько я пробуду въ деревнѣ.

Сказавши сіе побѣжалъ я за своими присными пріятелями, изготовилъ

угощеніе оставя дожидаться Петровича съ милыми дѣвами.

На другой день сердце мое не утерпѣло.

Нѣтъ! братъ, сказалъ, я Александрычу; какъ хочешъ; а навѣстимъ моего знакомаго Петровича; чай, онъ ждалъ меня и вчерась.

Идти, такъ идти, подхватилъ Александрычь; посмотримъ!

Мы пришли на квартиру Петровича въ вечерни; и Петровича не было дома. Жена засуетилась, дѣвицы встревожились; Владимірской знакомки уже не было на квартирѣ; ибо она уже съѣхала. Прелестныя дѣвы выговаривали мнѣ за вчерашней обманъ. Что нужды! возгласила супруга Петровича; и нынѣ день не ушелъ. Наконецъ взошелъ бормочущій Петровичь; и снявши съ себя кружку, поставилъ ее на столъ. Вотъ, моя

кормилица! вскричалъ онъ; и когда стукнулъ онъ обо дно; то изъ кружки посыпались деньги. Поди-ка надобно угостить гостей, вскричалъ онъ своей женѣ, которая, набравши со стола мѣдныхъ денегъ вышла. Вотъ, какое у меня случилось горе, началъ говорить Петровичь; почевали у меня вчерась два Офицера, одинъ Козацкой, другой Армейской; хвать по утру, а мундиры то и пропали!

Да гдѣ же мундиры лежали? спросилъ мой товарищь.

Вотъ, висѣли на двери! отвѣчалъ Петровичь.

Да какже, возразилъ пріятель, вы живете одни, какъ же пропасть?

Да ужъ и самъ не вѣдаю! отвѣчалъ Петровичь. Чудо, да и только; да мундировъ не жаль; жаль, что пропали шарфы да эполеты! да я бы вамъ ихъ и показалъ; да жена то

ушла; вотъ, отъ камода и ключь унесла!

Вотъ пропажа новаго рода! сказалъ мнѣ на ухо Александрычь; мундиры пропали не для хозяина, а для Офицеровъ, которые зашли не на свои квартиры.

Тогда то я почувствовалъ справедливость словъ Секриповны; а между тѣмъ жена Петровича воротилась и началось ликованіе. Къ щастію нашему, Петровичь повалился на полъ и уснулъ; мы же воротились домой получивши назидательный урокъ о кружешникахъ!

Однако пришла бѣда, да и бѣда то не минучая! надобно было ѣхать изъ Москвы; что ты будешь дѣлать! деньги истрачены; дорога не ближняя; но чего не выдумаетъ человѣкъ догадливой. Я нанялъ извощика на

Господской щетъ! и подлинно, пріѣхалъ, такъ и заплатили.

Признаться, не живавши въ господскихъ домахъ, я не любилъ этикетовъ; училъ не по Французской регулѣ, а по семинарски; отъ того и вышло что ученики мои въ годъ оказали хорошіе успѣхи. Ѣздили мы съ хозяиномъ своимъ въ два дома, изъ которыхъ въ одномъ при дѣтяхъ жилъ учитель Нѣмецъ, а въ другомъ Француженка. Какъ не нравилась мнѣ метода ихъ обученія, такъ не нравился этимъ иностранцамъ я самъ. Жили цѣлой годъ эти иностранцы, а выучили дѣтей только читать; потому что пуститься далѣе не дерзали. Начинать Грамматику! они ее и начали на другой годъ; только начали вотъ какъ: Француженка полстраницы задаетъ выучить наизусть ученицѣ изъ Ломондовой Грамматики; а

сама покойно вяжетъ чулокъ. Само собою разумѣется, что ученица, не понимая того, что учитъ, твердитъ цѣлыхъ три часа и не выучитъ. Также поступалъ и Нѣмецъ; и когда хозяева стали жаловаться на неуспѣхи; то я открылъ причину; да послѣ у самихъ же хозяевъ пришелъ въ немилость.

Наконецъ пришло время воротиться въ Москву; полно шататься по чужой сторонѣ, думалъ я; не хватились ли меня въ Университетѣ? Чего добраго! пожалуй и изъ списковъ выключатъ; надобно предупредить; а потому я и возвратился. Нечего мнѣ было отвѣчать въ Университетѣ объ отлучкѣ, какъ: нужда!

Пріѣхавши въ Москву, я опять остановился у тетушки; но увы! Дядюшка былъ уже на томъ свѣтѣ. Я хотѣлъ горевать объ немъ; но

тетушка крестясь говорила: Слава тебѣ, Господи; прибралъ его отъ меня грѣшной. Я зналъ, почему тётушкѣ пріятно было отшествіе моего дядюшки въ вѣчныя обители міра и покоя.

Что наша и честь; когда нечего ѣсть; такъ говоритъ тетушка; эй, тётушка, не ошибись!

На другой день моего пріѣзда въ Москву, я опять нашелъ Алексѣя Александровича; и опять соединились. Но лекціи опять начали пропускать. Окаянная ты, проклятая бѣдность! возопилъ однажды Александрычь; надобно купить книгъ; а ихъ купить не начто. О глупцы всесвѣтные! у васъ книгъ много; да вы ихъ нечитаете; а мы бы ради и читать, да не почемъ. Александрычь повалился на постелю, а я началъ говорить: дружище! мы съ тобою снимали за

версту шляпу, увидя идущаго учителя своего; а въ классѣ со страхомъ и трепетомъ вставали предъ нимъ; а нынѣ; здѣсь въ Университетѣ надомной захохотали, когда я всталъ передъ вопрошающимъ меня Профессоромъ. Не богатство ли вперяетъ этимъ гордымъ, невѣжествующимъ мальчишкамъ, вышедшимъ изъ какого нибудь Пансіона, не званіе ли отца внушаетъ: сидя отвѣчать предъ Профессоромъ заслуженными мужами, достоуважаемыми не по лѣтамъ одними и званію, достоуважаемыми по высокимъ дарованіямъ и просвѣщенію. Чортъ ли въ немъ, прости Господи и богатство, когда оно негодяя мальчишку дѣлаетъ высокомѣрнымъ до того, что онъ не хочетъ поднять своего сѣдалища предъ особою, можетъ быть, уважаемою не въ одной Россіи, но и во всѣхъ просвѣщенныхъ

Государствахъ. Я думаю, вотъ, что: такой богатаго отца сынъ гордецъ, не уважая особу Профессора въ юныхъ лѣтахъ, въ лѣтахъ мужества не будетъ уважать своего Начальства. Такъ! бѣдность есть зло на свѣтѣ; но и богатство скверное дѣло; а теперь и слѣдуетъ вопросъ: Въ юныхъ лѣтахъ бѣдность ли для человѣка нужно болѣе, или богатство? мнѣ кажется, лучше сперва побѣднять, дабы испытать всѣ нужды, а потомъ поразбогатѣть, чтобъ умѣть пользоваться и богатствомъ. Пусть мы, понуждаемые теперь бѣдностію, пропускать лекціи; но мы продолжаемъ лекціи терпѣнія. Non multa, sed multum legendum est. Нѣтъ у насъ съ тобой книгъ; будемъ ихъ брать у богатыхъ; будемъ списывать; а тогда и посмотримъ, богатой ли съ книгами будетъ тверже знать эти книги, или

мы бѣдные, которые выписывали изъ ихъ книгъ. Вотъ, посмотри, я что здѣлаю; время приходитъ дѣлать диссертацію на медаль; я подниму всю латынь; хотя книгъ у меня и нѣтъ; но я помню, что я затвердилъ наизусть, учась по книгамъ казеннымъ.

Такъ ты хочешъ показать себя? возразилъ Александрычь.

А вотъ, какъ я покажу себя, подхватилъ я; сдѣлаю диссертацію да и отдамъ богатенькому студентику и скажу: на братъ подай, назови своею, получай медаль; а мнѣ дай рубликовъ пятдесятъ; вотъ, и книга! о чемъ тужить! что мнѣ за радость, ежели на актѣ крикнутъ: Александръ Орловъ! за которымъ ни передъ нимъ, ни занимъ; но, ежели кликнутъ: Князь внукъ Графа, племянникъ Генерала, то сей племянникъ Генерала выдетъ съ бодрымъ лицомъ, зная, что на его

выступку будутъ взирать Графы Графини, Князи Княгини, Генералы и Генеральши, зная, что вышедши съ Акты его посадятъ въ карету, повезутъ въ домъ родительской, гдѣ уже приготовленъ балъ, зная, что его обоймутъ, разцѣлуютъ, между тѣмъ какъ, ежели я получу медаль, не имѣя насущнаго хлѣба, пойду къ безчестному Ростовщику закладывать эму же Медаль, полученною потомъ и кровію. Правда горько это перенести; но Necessitas experirè omnia cogit.

Пріятель мой утѣшался слыша столь утѣшительныя словеса; и мы стали также похаживать на лекціи. Будучи однажды въ веселомъ духѣ я началъ говорить: много мы съ тобою наслышались о чудесахъ, о предсказаніяхъ, о ворожбѣ. У насъ есть теперь рублей десять; употребимъ ихъ на изысканіе мудрыхъ земли, прорѣ-

кателей будущаго; пойдемъ къ гадателямъ на картахъ, на кофею, къ людямъ, имѣющимъ даръ разводить судьбою человѣческою, Какъ бобами; не прорѣкутъ ли наши пророки: что съ нами будетъ? Какія постигнутъ насъ горести и какія ожидаютъ насъ утѣхи міра сего? Кромѣ хлопотъ и заботъ, кромѣ неудовольствій мы еще ничего не видали; а ужъ, тебѣ, другъ сердечной, за тридцать, а мнѣ безъ малаго 25 лѣтъ. Въ это время люди ворочаютъ милліонами; а у насъ случается, что и хлѣба нѣтъ. Вотъ, ужъ настоящіе мы віалты! Omnia nobis cum povtamus; да и лучше! безъ хлопотъ; правда, твое положеніе щастливѣе; ибо у тебя здѣсь родимой братецъ дьякономъ; есть къ кому отнестись въ своихъ нуждахъ, есть съ кѣмъ посовѣтываться въ печаляхъ и горестяхъ.

Александрычь посмотрѣлъ на меня быстро, сдѣлался пасмуренъ молчалъ цѣлую четверть часа, потомъ съ внутреннимъ движеніемъ произнесъ: Любезной! сталъ ли бы я биться почужимъ угламъ и терпѣть всякую нужду, ежели бы братининъ уголокъ былъ покойнѣе, нежели этотъ тюфячокъ въ наёмной квартиркѣ. Александрычь почесалъ голову и замолчалъ: Гмъ! возликнулъ я; вотъ, ужъ мои родственники на это хороши! приди въ лаптяхъ; примутъ также какъ бы я пріѣхалъ и въ каретѣ.

Алексѣй Александрычь засмѣялся во всё горло и сказалъ: теперь время вакаціонное, проберёмся мы къ твоимъ родственникамъ въ видѣ плачевномъ, яко рыцари плачевнаго образа.

Изволь, братъ подхватилъ я сдѣлаемъ пробу и ты увидишъ безпристрастной пріемъ. Думать было не-

чего, подхватили въ руки посохи и пустились въ путь. На другой день нашего путешествія увидѣли мы смиренную кровлю хижины, въ которой обиталъ мой дядюшка, сельской Священникъ. Тетушка встрѣтила племянничка съ путешествующимъ другомъ примѣчательными глазами; и увидя, что нѣтъ у насъ назади котомокъ, вмѣщающихъ платковъ и повойниковъ для тётушки, тетушка на наши вопросы начала отвѣчать отрывисто; сѣла представлять къ разорваннымъ рубашкамъ заплатки какъ вы поживаете, тётушка? началъ я разговоръ. Слава Всевышнему Владыкѣ! возклнкнула тетушка; хлѣба довольно, денегъ также; чего еще отъ Господа Бога. Охо хо, хо, хо, хо! что наша и честь, коли нечего ѣсть. Смотри ка теперь какъ живетъ подлиповской дьячокъ, куда тебя прочили; сердце

е нарадуется; а Богородской дья-
окъ и говоритъ нечего.

Тётушка моя такія дѣлала нра-
оученія, что я не узнавалъ, тетуш-
а ли моя это мнѣ проповѣдуютъ.
Чай ка, тетушка, напиться сказалъ,
. Да, вонъ, возми кувшинчикъ, да
сходи къ колодчику, вода такая свѣ-
кая и вкуснал.

Нѣкогда! возразилъ я съ внутрен-
нею досадою; пора намъ пробираться
освояса. Съ Богомъ! батюшки съ
Богомъ, еще рано, до Троицы Сергія
еще уйдете; люди молодые, разомъ
добѣжите.

На, ка! вытаскивай кульки съ
грецкими гостинцами, съ Нѣмецкими,
съ Астраханскими, Американскими;
тетушка совсѣмъ перемѣнилась.

Чтожъ ты не сбѣгалъ съ кув-
шинчикомъ за водицей? спросилъ ме-
ня Александрычь. Спасибо братъ,

верстинокъ двадцать дали крюку, чтобъ услышать проповѣдь отъ твоей тётушки, ту же самою проподѣдь которую я слышу отъ своихъ братцовъ, дядей и тётокъ. Не нашимъ тёткамъ чета тётки дворянки и богатыя купчихи; и тѣ братъ, увидя родственника бѣднаго, и тѣ отворотятся. Наши тётки одинъ лишъ только примѣръ, а больше нечего. Во всѣхъ сословіяхъ всё идетъ одинаковымъ чередомъ, вездѣ уважаютъ богатству и презираютъ бѣдность.

Чортъ возми всѣхъ на свѣтѣ богатыхъ тётокъ воскликнулъ я; пойдемъ ка поскорѣе на постоялой дворъ, мнѣ есть хочется.

Сѣвши на постояломъ дворѣ за столъ Александровичь пустился въ разсужденіе и началъ говорить: дружище! нечего искать колдуновъ и прорицателей; одинъ здравой разсу-

докъ можетъ показать на какихъ началахъ основывается будущее человѣческое благополучіе. Всякой своему щастію кузнецъ; такъ! хороши тетушки и бабушки тогда, когда племянники и внучки имѣютъ равное состояніе. Этаго же бабушкина внучка и тётушкина племянничка, котораго нынѣ тащатъ за уши къ почестямъ, эти же бы бабушки и тетушки и взоромъ не удостоили ежели бы внучикъ не былъ богатъ столько же, какъ и онѣ. Теперь нечего и гадать; а вотъ, надобно что сдѣлать къ концу вакаціоннаго времяни я получу сорокъ рублей; а ти пятдесятъ; тогда поѣдемъ къ тетушкѣ твоей а непойдемъ; тогда и увидимъ что будетъ дѣлать твоя тётушка.

Презнатная, преотмѣнная выдумка! вскричалъ я, и началъ хлѣбать щи.

Пришло время полученія денегъ. Теперь поѣдемъ, братъ, воскликнулъ я; Алексѣй Александрычь срядился въ униформъ, также какъ и я. Наняли тройку лошадей, велѣли подвязать звонкой колокольчикъ, привѣсить по больше бубенчиковъ; поставили въ кибитку самоваръ, накупили сахару, чаю, водки, разныхъ закусокъ; захватили бутыль настойки; а извощика взяли самаго удалова. Слыша звонъ колокольчика и видя подъѣхавшую къ крыльцу тройку, выбежалъ на встрѣчу дядюшка; но когда увидѣла плетушка изъ окна, что мы вылезаемъ въ мундирахъ; опрометью выскочила. Любезной нашъ племянничикъ! воскликнула тетушка бросясь ко мнѣ на шею; а я, дабы придать болѣе важности нашему пріѣзду, возопилъ громогласно! Панфилъ! вытаскивайка, братъ, всѣ, кулькн съ винными яго-

дами, черносливомъ и изюмомъ, съ кедровыми, грецкими и Нѣмецкими орѣхами, съ Французскими и Италіанскими лимонами и апельсинами, мѣшки съ Московскими сайками, кренделями и витушками, съ постилами Коломенскими, съ арбузами и дынями Астраханскими; выставляйка братъ водки Кизлярскія и Моздокскія, Мадеры и Малаги заморскія; подавайка, братъ, сюда кофеи, сахары и чаи Китайскія; да выставь-ка бутыль малиновки и рябиновки; да вытащи укладочку съ атласами и канифасами, съ фатами кановатными и шубейками камчатными, съ платками Александрійскими, со штофами и гарнитурами; да ужъ послѣ и принеси самоваръ.

Тетка слыша таковое возглашеніе заливалась слезами отъ радости; а дядюшка, которой во время перваго посѣщенія и непоказался, воздви-

залъ руку для благослословенія меня; а я съ Алексѣемъ Александровичемъ и вступилъ. Извощикъ Панфилъ вытаскивалъ кульки и клалъ въ передней уголъ. Бутыль настойки и самоваръ поставилъ на столѣ. На-ка любезная моя тетушка платочикъ! велегласно возопилъ я подавая ей тафтяной головной платокъ, а тебѣ возлюбленной дядюшка пару носовыхъ; примите-ка, други мои любезные отъ племянника въ знакъ любви и почтенія; нука, вы любезные дѣточки! О, да какіе милинькіе (хоть бы и плюнуть, такъ въ туже бы пору) подставте-ка подольчики, мои голубчики, подставте; тутъ я изъ кулька и всыпалъ въ ихъ подолы всякаго сорта орѣховъ и ломаныхъ пряниковъ; поставте-ка самоварчикъ; а ты тётушка, вотъ, наколи сахару; давай, Алексѣй Александровичь, чайникъ, клади чаю; а я,

вотъ, приготовлю икорки; да и налью по стаканчику настоечки — знатная презнатная; да не торопитесь, а сперва выкушайте; безъ церемоніи, у кого въ рукахъ, у того и въ устахъ. Сказавши сіе, выпилъ я первой. Дядюшка съ теткой еще и не опомнились; я имъ столько задалъ въ одну минуту дѣла, что они не знали за что ухватиться; разсматривать ли платки, любоваться ли дѣтками, которыхъ я назвалъ милинькими, колоть ли сахаръ бѣжать ли съ кувшинчикомъ, съ которымъ она меня посылала на колодчикъ, сохраняющій знатнинькую и презнатнинькую, водицу, поглядывать ли, что еще, у насъ находится; или — приняться за настойку!

Дядя сей часъ выпилъ, и побѣжалъ съ кувшинчикомъ; тетка мгновенно выкушала и начала колоть са-

харъ такъ ловко, что куски въ осьмушку фунта летѣли въ подолы къ дѣткамъ, Алексѣй Александрычь ставилъ чашки и клалъ чай, я рѣзалъ икру и вынималъ водку, Панфилъ распрягалъ лошадей, дядя тащилъ воды, наливалъ въ самоваръ, тетка вынимала изъ печьки уголья; словомъ сказать, все въ одну минуту сдѣлано, всё вскипѣло.

И такъ, любезные мои родственники, началъ я говорить поднося за здравіе всѣхъ настойку, и такъ я вижу васъ здравыхъ и благополучныхъ; и такъ нынѣшній день есть день радости и веселія; и такъ возблагодаримъ Всевышняго за вся блага, на насъ ниспосланная.

Барыня Уродова наложила на меня тяжелую руку; чтобъ ей и въ Адъ мѣста не было.

Батюшка! любезной нашъ племянничикъ! возопила моя любезная тётушка, у которой началъ спадать съ головы платокъ, денно и нощно мы за тебя просимъ и молимъ Господа Бога. Дай, тебѣ Господи всего того, что ты желаешъ. Что мы живемъ здѣсь? Живёмъ какъ не люди, а умремъ не родители. Только у насъ и свѣту въ глазахъ, что ты. Въ Господень то праздникъ сядемъ мы за столъ; и горько, горько я проплачу: какъ то нашъ Александръ Анфимовичъ, всё ли тамъ онъ живъ

и здоровъ. Охти! нужды, проклятыя нужды! хлопочи, суетись; и жизни то не ради, батюшка; то надо, другое надо; и всё нѣтъ ничего; хоть бѣги; вотъ, ужъ дошло какъ: На дворѣ ни коровёнки, а на самихъ одёжонки!

Достопочтенный Александровичъ угостилъ моихъ родственниковъ такъ, что они не слыхали, какъ заснули. Поутру честь честью мы выѣхали.

Вотъ, братъ, какова перемѣна, воскликнулъ Александровичъ; не прошло и двухъ мѣсяцовъ, а уже твоя тётка переродилась. Я кусалъ пальцы и — положилъ въ умѣ: Презирать тётокъ подобныхъ моей!

Я увѣренъ, что читатели удивляются, что я до сихъ поръ даже не намекнулъ: были ли какія у меня любовныя интриги?

Очень много! но я здѣсь ихъ не помѣщаю хотя и надлѣжало по связи

моего разказа. За частое опущеніе лекцій я пробылъ въ Университетѣ семь лѣтъ; — а эти интриги имѣли вліяніе на цѣлую мою жизнь. Лучше сказать, я потерялъ около двадцати лѣтъ, самыхъ лучшихъ въ моей жизни. Я здѣсь выставилъ только нравоучительныя статьи, опуская мелочныя происшествія. Объ моихъ глупостяхъ я постараюсь издать особенную книжку и показать, сколько глупая молодость причиняетъ въ послѣдствіи горестей и печалей. Теперь скажу только, что съ Александрычемъ мы добились въ 7-мъ лѣтъ названія: Кандидатъ, съ коимъ наименованіемъ и простились съ Университетомъ.

Прощай, Анфимычь, сказалъ мнѣ Алексѣй Александрычь, прощай, другъ сердечной и помни меня; я ѣду въ Петербургъ на службу; а ты, ты, кажется, здѣсь прикованъ.

Ежели бы я слѣдовалъ гласу благоразумія; то конечно бы остался въ безбѣдномъ состояніи ученыхъ; но высокомѣріе вскружило совершенно мнѣ голову; я мѣчталъ о золотыхъ горахъ; а Богъ-приводитъ только поглядывать на людей, какъ они щипаютъ деньги.

Получивши Аттестатъ, я отъ радости возопилъ: Теперь-то я благополученъ; но, сѣвши на ряду съ приказною братіею, я увидѣлъ, что доля моя очень не завидна.

Впрочемъ, опредѣлясь въ Уголовную Палату, я увидѣлъ, что въ Присудственныхъ мѣстахъ есть много людей истинно благородныхъ. Напрасно Зоилы вопіютъ противъ лихоимства судей и Секретарей; напрасно уличаютъ бѣднаго приказнаго, что онъ осмѣлится взять какой нибудь рубль за написаніе прошенія. Крестъ-

янинъ имѣетъ собственной домикъ, огородъ, лужокъ, въ полѣ полоску; что же имѣетъ приказной? Одинъ стулъ! Признаюсь даже, что я самъ не умѣлъ, или лучше сказать, по обстоятельствамъ, не могъ служить подъ начальствомъ добродѣтельнаго Предсѣдателя, примѣрнаго Начальника во всѣмъ отношеніямъ. Этому причиною окаянная душа Госпожи Уродовой, которая, выманивъ меня изъ Палаты, лишивъ меня милостей добродѣтельнаго Начальника моего, лишила меня и энотовыхъ шубъ, въ которыхъ я хаживалъ. Но я жестоко наказанъ, за оплошность. Проживши у Уродовой мѣсяцъ, я впереди потерялъ двадцать лѣтъ жизни. Ежели бы эта Уродова давала мнѣ не 1100 рублей въ годъ; но сто десять тысячь; то я сказалъ бы: Милліона не надобно.

Вотъ, какова рука этой Уродовой! съ тѣхъ поръ нещастія полились на мою голову. Провиденію было угодно наказать меня. Уродова мнѣ вязала руки, запирала въ пустую комнату не давая ни пищи, ни питія. Ежели Бастилія во Франціи ужасна; то въ сравненіи съ домомъ Уродовой ничего. Проклятіе Господне лежитъ надъ ея домомъ. Я до сихъ поръ ужасаюсь даже во снѣ лица ея довольно сказать: въ Рождественскіе морозы я вырвался отъ нее оставя всё что я нажилъ потомъ и кровію. Но на томъ свѣтѣ я съ ней буду судиться; ибо на семъ не въ состояніи, Правосудной Судія покажетъ ей тѣ веревки, которыми она мнѣ вязала руки; всё заплатитъ мнѣ.

Такъ! наложила на меня руку Уродова; съ тѣхъ поръ я ничего не вижу, кромѣ горестей. Я лишился

мѣста; а нарицаемые пріятели меня оставили.

Хотя я былъ нещастливой бѣглецъ изъ Бастиліи Уродовой; однако гораздо щастливѣйшій, нежели предшествовавшіе мнѣ бѣглецы. Еще само Провиденіе бодрствовало надомною. Съ сей нещастной эпохи моея жизни узналъ я, что Владыко Всемогущій за грѣхи человѣческія наказуетъ, но милуетъ невинность. Уйти изъ подъ стражи зимою ни какъ бы мнѣ было не возможно, ежели бы Господь не послалъ мнѣ Ангеловъ помощниковъ. Даже не миновать бы мнѣ Уголовной Палаты, ежели бы Господь не уничтожилъ Адскихъ замысловъ. Я ушелъ въ помѣстье добродѣтельнаго помѣщика, которой, подобно какъ и преждебывшимъ бѣглецамъ доставлялъ пособіе. Я его благодѣяніемъ отвезенъ былъ въ близь лежащій городъ: Уродова

выдумала погубить меня; но да отвращу взоры мои отъ картины лютости и гнусности человѣческой?

Я ушелъ отъ Уродовой и оставилъ всё; но въ Москвѣ было у меня еще кой что. По прибытіи въ Москву я еще благодарилъ Бога, что я, живъ, хотя ужъ не было тѣхъ енотовыхъ шубъ и часовъ, которыя я нажилъ въ домахъ Господъ. Эти Господа, судя по своимъ добрымъ качествамъ, никогда бы не повѣрили существованію Уродовой; но, къ нещастію, точно знаютъ, что она существуетъ.

И такъ я прибылъ въ Москву; но, увы! я увидѣлъ себя безъ мѣста, безъ доходовъ. Одинъ злодѣй еще нашелся такой, которой, прежде отъѣзда моего къ Уродовой, взявши денегъ подъ росписку заперся. Но такъ и быть, думалъ я; авось наживу

да точно и тужить было я переспалъ; какъ вдругъ поспигла меня жестокая горячка. Тутъ-то я узналъ, что значитъ быть одинокому. Я лежу безъ памяти; а меня гонятъ съ квартиры; я въ самомъ бреду; а злодѣи меня уже до чиста обобрали. Я такъ осердился на одиночество, что сочинилъ въ горести своей піесу, которую и представляю:

Поутру сладокъ сонъ; но онъ меня не клонитъ;
О всемъ раздумался и дума думу гонитъ.
Какъ тѣнь прошедшее; мнѣ всё пришло на умъ.
И сердце гложетъ грусть среди печальныхъ думъ.
И въ кандалахъ злодѣй средь смрадныя темницы
На камнѣ жосткомъ спать — и только Адски лицы
Ему мѣчтаются — и сонъ ему не въ сонъ

Охриплымъ голосомъ всѣхъ будитъ только онъ
Онъ будитъ — Адъ его мѣчтами сна терзаетъ;
Душа порочная отъ ужасовъ страдаетъ.
Онъ спитъ;—но я не сплю; хоть совѣсть и чиста;
Безродной что ли я на свѣтѣ сирота?
Такъ думалъ самъ въ себѣ но точно я безродны;
Мои нещастія бѣды съ безроднымъ сходны.
Теперь сижу одинъ; — доселѣ одинокъ;
Сгубилъ меня, сразилъ неумолимый рокъ.
Меня нещастія и горе посѣтили.
И злые дни пришли и сердце сокрушили.
Въ объятіяхъ отца и матери моей,
Въ своемъ младенчествѣ не зналъ я люпыхъ дней.
Всё было хорошо! жизнь сельская простая
Природу городскихъ ничемъ неискажая,
Здоровье мнѣ дала и нравовъ чистоту;
Но жить средь городовъ я полюбилъ мѣчту
Я думалъ щастье тамъ; но обманулся много

За тѣмъ что я судилъ поверхностно и
строго.
Въ чертогахъ пышности нашелъ я богачей,
Которы къ бѣдности безчувственнѣй камней
Имъ человѣчества дороже песъ смердящій;
Пороки гнусные скрываетъ видъ блестящій
Презрѣнье къ бѣдности фамильный будто
знакъ;
Глядитъ на умнаго съ презрѣніемъ дуракъ!
И долго, долго, Ахъ фортуна мной играла;
Въ карепы иногда боярскія сажала
А иногда хлѣбъ въ честь со свѣжею водой;
Попеременно всё судьба играла мной.
Обманутъ былъ сто разъ любовію невѣрной
И злымъ невѣжествомъ и дружбой лице-
мѣрной
Еще всего я зла, увы! непримѣчалъ;
Рокъ злой меня еще не слишкомъ ушѣснялъ.
Вотъ, жизни протекла большая половина;
Какъ вдругъ пришла ко мнѣ нещастная
година.
И дружба и Любовь пошли съ двора долой,
Когда увидѣли, увы! карманъ пустой!
Знавали всѣ меня; но тутъ всѣ позабыли,

Меня не видѣвши вокругъ меня ходили.
Но чаша горестей еще не испита;
Въ мои цвѣтущія прекрасныя лѣта
Болѣзнь жестокая несчастнаго сразила.
Въ могилу мрачную едва не положила.
Какъ блага смерти ждалъ — въ болѣзни
и возлѣ,
Чужіе вкругъ меня и жилъ въ чужомъ углѣ.
Когда не въ силахъ былъ на ноги при-
подняться;
Весь въ пламени — готовъ былъ съ жизнію
разстаться.
Чуть духъ переводилъ — и замирала рѣчь,
И голова моя валилась съ слабыхъ плечь,
Въ то время изъ угла меня насильно гнали;
Живаго варвары меня въ могилу клали.
Молился я; но Богъ по душу не послалъ;
Въ душѣ моей еще надежды лучь мелкалъ.
Отъ жару, отъ тоски гортань пересыхала;
Казалось, что душа изъ тѣла вылетала.
Братъ близко жилъ со мной — и братъ
меня забылъ.
Приди, любезной братъ, приди ко мнѣ
просилъ;

И братская любовь, Ахъ! Боже, охладѣла;
Я сказывалъ ему: Душа летитъ изъ тѣла.
Но братъ мольбы мои и слезы презиралъ,
Благодѣянія мои онъ забывалъ
Забылъ, что я его въ благіе дни покоилъ,
Забылъ, что всё его я щастіе устроилъ.
Отецъ—печаль моя—и въ жизни ушѣ-
шенье.
(Хранитъ до днесь его святое провиденье)
Далёко былъ—не зналъ, что гробъ передо-
мной
Судьбы жестокія готовится—рукой.
Къ нему душа моя хладѣвшая стрѣмилась;
Воспоминаніемъ объ немъ она живилась.
Съ постѣли смертныя я взоры обращалъ;
Во снѣ и на яву его я обнималъ.
Надѣжда видѣть всѣхъ меня одушевила,
Изъ гроба подняла—она и возскресила.
Переселялся я мѣчтами въ миръ другой.
Парилъ я къ небесамъ, парилъ своей душой.
Но среди золъ моихъ еще нашлися люди,
Небесной благости ихъ полны были груди.
Но многоль было ихъ? изъ тысячи друзей
Явились только три при горести моей.

И тѣ, которые мнѣ числились друзьями,
Мнѣ сдѣлались тогда ужасными врагами.
День за днемъ шолъ и я, я сталъ обнемогаться;
Я началъ съ силами своими собираться.
Но я не къ радостямъ на свѣтѣ оживалъ.
Я новыхъ бѣдъ себѣ грядущихъ ожидалъ.
Увы! я былъ тогда среди Москвы пространной
Природной Славянинъ, какъ бутто чужестранной,
Тогда завидовалъ я нищему съ сумой,
Какъ тѣнь шатаяся по улицамъ больной.
Средь бѣдъ, средь золъ своихъ, средь горести глубокой,
Узналъ лишъ нынѣ я, что значитъ одинокой.

Къ довершенію золъ моихъ я долженъ былъ имѣть въ то же время процессъ съ однимъ извергомъ. Въ то же самое время родительница моя Прасковья Николаевна оставила сію юдоль земную; и сія новая скорбь повергла меня въ ужасную горесть. Удивительно, что въ ночь, печальному дню

въ которой она скончалась видѣлъ я во снѣ привидѣніе соостоящее изъ облаковъ представляющее мою мать и отца моего съ нею разговариваю-щаго; и я, яко бы произнесъ слѣдую-щіе стихи:

Онъ съ ней бесѣдуетъ и съ ней всегда она;
Имъ быть разлукою могила не должна.

Теперь какъ хотятъ, такъ и судятъ, естьли предчувствія, или нѣтъ. Но я обращаюсь къ исторіи своей; родп-тельница окончила жизнь свою; и вмѣстѣ съ собою унесла щастіе мо-его родителя. Не знаю, куда и меня повлечетъ судьба моя. Безъ дружбы, безъ любви, я ожидаю благополучія; но, дождусь ли его, Богу извѣстно. Я не ропщу на Провиденіе; и естьли я не щастливъ: то всѣмъ нещас-тіямъ, почти такъ можно сказать, причиною я самъ. Иногда терялъ по нераденію, иногда по природному

моему недостатку льстить, иногда по вѣтренности или упрямству, иногда отъ злоупотребленія времяни въ недостойныхъ занятіяхъ, иногда по самонадѣянности. Я не завидую на свѣтѣ ничему; и равнодушіе мое доходитъ до того, что могу къ себѣ примѣнить слова: есть, такъ есть; нѣтъ, такъ нѣтъ. Конечно, читатели, спросятъ: не ужели со мною неслучалось любовныхъ приключеній? Очень много! самыхъ глупыхъ, самыхъ смѣшныхъ, которыя дѣлались глупыми и смѣшными по свойству моего совсѣмъ не меланхолическаго характера. Эти произшествія, у другихъ оканчивались обыкновенно одними вздохами и рыданіями, нѣжными трогательными, плачевными разлуками, прощальными письмами, дуэлями, ругательствами, мщеніемъ на балахъ, насмѣшками въ собраніяхъ,

колкими эпиграммами; начинались свиданіями на бульварахъ, безсонницами, увозомъ дочерей изъ пансіоновъ; были сопровождаемы поисками, мщеніемъ, проклятіями; а у меня совершенно всё было противное. Не было за мною ни погонь; потому что за моими прелѣстницами гнаться было нѣкому; такова люди сорта; никто мнѣ не мстилъ кромѣ какъ развѣ моей милой доставалось пощочинъ придцать отъ постороннихъ лицъ; вздыхать я не вздыхалъ; потому что не для чего. Вздохнуть о женщинѣ для меня тяжелѣе, нежели поворочать цѣлой день каменья. Да оно такъ и надобно; за невѣрное созданіе благоразумно ли вздыхать всякому умному человѣку? любовныхъ писемъ писать очень рѣдко писалъ; потому что мои прелѣстницы по большой части ни читать, ни писать неумѣли, да ежели нѣко-

торыя кой какъ и по писывали, да не разумѣли, что я пишу; ибо кругъ умственныхъ способностей ихъ не слишкомъ былъ широкъ; а ужъ ежели когда приходило мнѣ въ голову присѣсть, да написать любовное письмецо; признаюсь, я перебирался съ моими любезными за Океаны, лажился съ ними въ гробъ, которой заросталъ травою, муравою, на которой приходили позднѣйшіе потомки бесѣдовать о нашей любви; въ стихъ писаніяхъ я похаживалъ съ ними по зеленымъ лужкамъ, по крутымъ бережкамъ. Куда тебѣ всѣ на свѣтѣ любовники; нѣтъ! всѣ ничего не стоили; а какія подобія! а какія сравненія! Господи, Царь Небесный! и утренняя то она Аврора, и улыбка то, яко Майское утро, и взоръ то ея Херувимской, Небесной. Однако сіи ничтожныя сами по себѣ произ-

шествія имѣли великое вліяніе на жизнь мою. Я ихъ особенно опишу въ другомъ мѣстѣ единственно для другихъ, чтобъ показать, сколь молодому человѣку нужно убѣгать всего соблазнительнаго, слушать болѣе гласа разума, а не слѣдовать внушенію гибельныхъ страстей.

Такъ молодость моя промчалась, прокатилась!
Другая страсть уже, ахъ! нынѣ полюбилась.
Давно перемѣненъ души моей полетъ;
И руку старость мнѣ сѣдая подаетъ;
При тихости страстей мнѣ жизнь милѣе стала;
Страсть: Добрымъ быть меня къ сей жизни привязала
Черты высокія доблественныхъ мужей
Примѣромъ служатъ мнѣ при горести моей.
Не вѣковѣчатъ насъ чины и достоянья;
Насъ вѣковѣчатъ лишь доблественны дѣянія.
Хочу, чтобъ смерть сама мнѣ саванъ соткала
Изъ добрыхъ дѣлъ моихъ; вотъ, вся моя хвала!
Въ смиренный саванъ сей спокойно обовьюсь:

Въ другихъ мірахъ я въ немъ безбѣдно появлюсь
Златая вѣчность благъ для насъ не пожалѣла,
Давно душа моя давно къ ней улетѣла.
Вы своды горніе-лазоревыхъ Небесъ,
Вы вѣчно юные явители чудесъ!
На вашихъ радугахъ далеко понесуся;
Но мимо, мимо васъ, я мимо васъ промчуся
Въ міръ чудный, дальній міръ перпатною стрѣлой
Къ безсмертью, къ вѣчности на вѣчный я покой!
Природа убрала Небесный сводъ звѣздами;
Не тамъ ли Вѣчность, ахъ, бесѣдуетъ съ душами?
Дверь гроба намъ одна — завяжетъ узелъ смерть;
Но добрыхъ дѣлъ души лучей не можетъ стерть.

Благосклонные читатели! всякаго жизнь наполнена произшествіями болѣе или менѣе занимательными; я изъ наблюденія своихъ минувшихъ дѣлъ дѣлаю заключенія; и вижу, что одна только добродѣтель можетъ составить благополучіе человѣческое.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

		Стран.
1.	Дядюшка мой кувыркается да валяется; а тетушка выставляетъ кулачки; и боится, чтобъ дядюшка не хватился за ухватъ.	3
2.	Да моя постелька подлѣ постельки молодой молодицы; знатно!	10
3.	Вы, сударыня, дама? ахъ! Боже мой; а въ Целларіевомъ лексиконѣ стоитъ: Коза! . . .	18
4.	Извольте, матушки, Госпожи, чиновницы, я вамъ напишу хоть сто просительныхъ писемъ ступайте по домамъ! авось! .	23
5.	Козиха и Срѣтенка заняты веселыми Гражданками; не сходить ли, навѣстить ихъ? . .	34
6.	Шутка ли дѣло? я кончалой Студентъ; а къ ставцу лицомъ сѣсть не умѣю.	41

II.

Стран.

7. Батюшки мои! ужъ и въ меня влюбились; да какъ и не влюбиться! часы купилъ въ два рубля серебромъ. 49

8. Только ночуйте здѣсь; такъ у васъ не останется денегъ гроша; да и платье полетитъ съ плечъ; такой здѣсь домикъ! 58

9. Учитель сидитъ; а Барской дитятко завертывается въ одѣяльцо. Знатные успѣхи. . 66

10. Пропали мундиры; ну, зачѣмъ начуете не на своихъ квартирахъ; подѣломъ! 79

11. Что наша и честь, когда нечего ѣсть, говоритъ шётушка: эй, тетушка не ошибись. . . 85

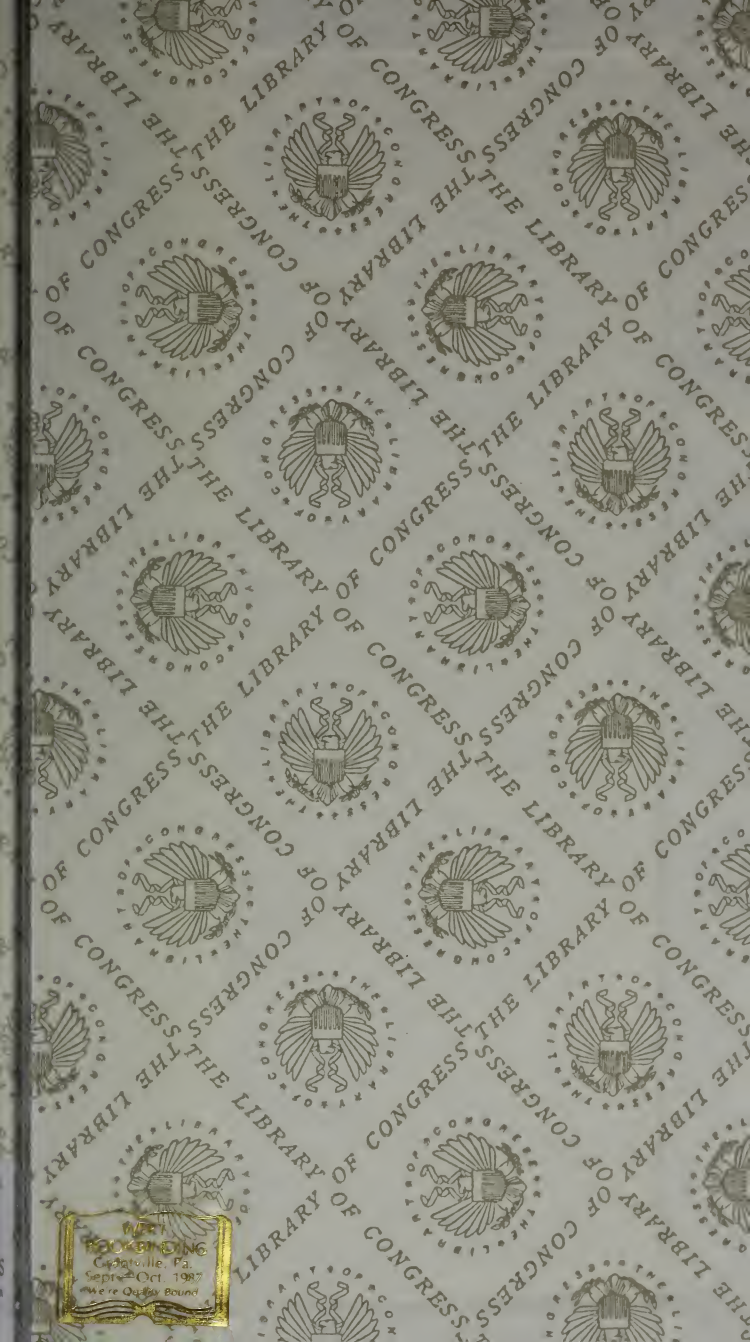
12. На, ка, вытаскивай кульки съ Грецкими гостинцами, съ Нѣмецкими, съ Астраханскими, Американскими; тетушка совсѣмъ перемѣнилась. . . . 93

13. Барыня Уродова наложила на меня тяжелую руку; чтобъ ей и въ адѣ мѣста небыло. . . 101

W I 7

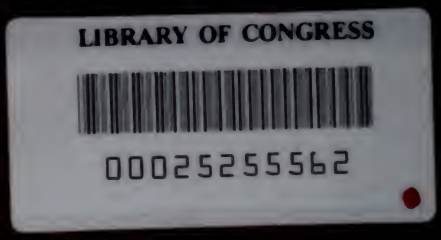
Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111



THE LIBRARY OF CONGRESS

WEST BOOKBINDING
Grantville, Pa.
Sept.-Oct. 1987
We're Quality Bound


LIBRARY OF CONGRESS
00025255562